

У И Л Ъ Я М Г И Б С О Н

П Е Р И Ф Е Р И Й Н Ы Е У С Т Р О Й С Т В А

ОСНОВА НОВЕЙШЕГО СЕРИАЛА ОТ *AMAZON PRIME VIDEO*

СОЗДАТЕЛИ: ЛИЗА ДЖОЙ, ДЖОНАТАН НОЛАН
И ВИНЧЕНЦО НАТАЛИ. В РОЛЯХ: ХЛОЯ ГРЕЙС МОРЕЦ,
ГЭРИ КАРР, ДЖЕК РЕЙНОР

Т Н Е Р Е Р И Р Н Е R A L

СЕРИАЛ СТАЛ САМЫМ ПОПУЛЯРНЫМ
ПРОЕКТОМ СЕРВИСА, ОБОГНАВ ПО РЕЙТИНГУ
ДАЖЕ «КОЛЬЦА ВЛАСТИ», И УЖЕ ПРОДЛЕН
НА ВТОРОЙ СЕЗОН

18+

Звёзды новой фантастики

Уильям Гибсон

Периферийные устройства

«Азбука-Аттикус»

2014

Гибсон У. Ф.

Периферийные устройства / У. Ф. Гибсон — «Азбука-Аттикус»,
2014 — (Звёзды новой фантастики)

ISBN 978-5-389-10165-4

Впервые на русском – новейший роман автора трилогии «Киберпространство» и «Трилогии Моста», «Машины различий», «Распознавания образов» и «Страны призраков». Главный визионер современности вернулся наконец назад в будущее! Бертон служил в корпусе морской пехоты, в элитном подразделении Первой гаптической разведки. Когда он вернулся с войны, посттравматического синдрома у него не нашли, но пенсию по инвалидности дали. А тут у него и тайная подработка появилась: испытывать новую компьютерную игру. Но однажды ему понадобилось уехать в соседний город, и он попросил свою сестру Флинн подменить его на очередном сеансе бета-тестирования. Ничего, мол, сложного: патрулируешь на квадрокоптере периметр трех этажей высоты и отгоняешь стрекоз-папарацци. Но Флинн не была готова к тому, что там увидит, – то ли это просто игра, то ли настоящее убийство. И где это – там?

ISBN 978-5-389-10165-4

© Гибсон У. Ф., 2014
© Азбука-Аттикус, 2014

Содержание

1. Гаптика	6
2. Конфетка со стрихнином	9
3. Шугать жучков	11
4. Нечто, столь нерушимо приобретенное	12
5. Стрекозы	14
6. Мусорщики	16
7. Наружка	19
8. Двоечлен	21
9. Временное задержание	24
10. Бар «Менады»	25
11. Тарантул	27
12. Тилацин	30
13. Легкий Лед	33
14. Траурный гагат	37
15. Ничего хорошего	40
16. Лего	42
17. Тополя	45
18. Клуб Всевышнего	48
19. Бирюзовый скотч	50
20. Полтер	52
21. Лохотронщик	54
22. Архаика	58
23. Кельтский узел	60
24. Анафема	61
25. Кайдекс	64
26. Весьма почтенная	68
27. Мертвые парни	73
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Уильям Гибсон

Периферийные устройства

© Е. Доброхотова-Майкова, перевод, 2015

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2015

Издательство АЗБУКА®

* * *

Посвящается Шанни

*Я уже рассказывал о болезненных и муторных ощущениях,
которые вызывает путешествие по Времени.*

Г. Уэллс (перев. К. Морозова)

1. Гаптика

Посттравматического синдрома у брата Флинн не нашли, а что его периодически глючит, объяснили врачи, так это от гаптики. Вроде фантомных болей в ампутированной конечности, призрак татуировок, которые у него были на войне и сигналили, когда бежать, когда замереть, когда выписывать зигзаги, когда стрелять, дальность и направление. В итоге ему дали инвалидность, и он поселился в трейлере у ручья. В их детстве там жил дядька-алкоголик, старший брат отца, ветеран какой-то другой войны. В то лето, когда Флинн было десять, они с Бертоном и Леоном играли, что тут их форт. Потом Леон пытался водить туда девушек, но внутри слишком воняло. К тому времени, как Бертона комиссовали, трейлер давно стоял пустой, если не считать огромного осинового гнезда. «Эйрстрим» 1977 года выпуска. Самое ценное, что у них есть, по словам Леона. Он показывал ей такие на *eBay*, похожие на тупые охотничьи пули. Даже самые раздолбанные шли за сумасшедшие бабки. Дядька залил свой снаружи монтажной пеной, для тепла и чтобы не протекал. Леон считал, только поэтому трейлер и не поперли. Белый герметик от времени и грязи давно стал серым. На взгляд Флинн, «Эйрстрим» больше всего напоминал исполинского опарыша, только с тоннелями к окнам.

На дорожке белели куски гермопены, втоптаннные в темную землю. В трейлере горел свет, и, подойдя ближе, Флинн различила в окне брата, который как раз встал и повернулся. Следы удаленной гаптики на хребте и на боках выглядели так, будто кожа припорошена тусклой рыбьей чешуей. Врачи сказали, их тоже можно свести, но он не хотел таскаться ради этого в клинику.

– Привет, Бертон! – крикнула она.

– Легкий Лед! – откликнулся брат, назвав ее геймтегом.

Он одной рукой толкнул дверь, а другой натянул новую белую футболку, пряча морпеховский торс и серебристый чешуйчатый прямоугольник над пупком, размером и формой как игральная карта.

Внутри трейлер был цвета вазелина, с утопленными в мегамартовский янтарь светодиодами. Когда брат сюда переезжал, Флинн вымела крупный мусор. Бертон поленился нести из сарая пылесос и просто залил все на дюйм китайским полимером. Сквозь гляцевую упругую поверхность и сейчас проглядывали горелые спички и окурки легальных сигарет с их желтыми крапчатыми фильтрами, старше самой Флинн. Она знала, где лежит часовая отвертка, а где – десятицентовик две тыщи девятого года.

Теперь Бертон два-три раза в месяц выносил свои манатки наружу и мыл дом из шланга, как пластиковый пищевой контейнер. Леон считал, полимер для музейной консервации самое то, а когда они соберутся выставить свою американскую классику на *eBay*, его можно будет просто оторвать. Заодно и мусор выкинется.

Бертон взял сестру за руку, потом крепко обнял, приподняв над полом.

– Едешь в Дэвисвилл? – спросила она.

– Леон меня подбросит.

– Шайлен сказала, там протестуют луканутые.

Бертон пожал плечами, двинув многими мускулами, но не сильно.

– Это был ты. Месяц назад. В новостях. На тех похоронах в Каролине.

Он не то чтобы вполне улыбнулся.

– Чуть того парня не убил, – настаивала Флинн.

Он легонько мотнул головой, глаза сузились.

– Бертон, мне не по себе, когда ты туда суешься.

– Ты все еще рэмбуешь у того юриста из Талсы?

– Он не играет. Наверное, закопался в своих юристских делах.

- Ты была лучшей. И доказала это.
- Просто игра. – Флинн обращалась не столько к брату, сколько к себе.
- Чувак, считай, нанял морпеха.

Она вроде бы увидела то самое, от гаптики: легкую дрожь по всему телу. Вот оно было, и вот уже нет.

– Подменишь меня, ладно? – сказал Бертон, словно ничего не произошло. – Пятичасовая смена. Управлять квадрокоптером.

Флинн глянула на его дисплей. Голографические ноги какой-то датской супермодели, исчезающие в тачке, какую знакомым Флинн мало что купить – на улице увидеть не светит.

- Ты на инвалидности, – сказала она. – Тебе не положено работать.

Бертон глянул на нее.

- Где работа? – спросила Флинн.

– Без понятия.

- Аутсорсинг? В. А. тебя застукает.

– Игра, – сказал он. – Бета-тестинг какой-то игры.

– Стрелялка?

– Там не по кому стрелять. Патрулируешь периметр трех этажей высоты, с пятьдесят пятого по пятьдесят седьмой. Ждешь, кто появится.

– И кто появляется?

– Папарацци. Маленькие штучки, вот такие. – Бертон показал длину указательного пальца. – Преграждаешь им путь. Оттесняешь их. Вот и все.

– Когда?

– Сегодня вечером. Надо тебе все объяснить до приезда Леона.

– Я обещала помочь Шайлен.

– Плачу две пятеры.

Он вытащил из кармана джинсов кошелек и достал две новенькие купюры: прозрачные окошки не поцарапаны, голограммы не потускнели.

Сложенные, они отправились в правый передний карман ее обрезанных шорт.

– Свет убавь, – сказала она. – Мне глаза режет.

Бертон провел ладонью в дисплее, но от этого в трейлере стало темно, как в комнате у подростка. Флинн протянула руку и чуть прибавила освещения.

Она села в братнее китайское кресло, которое тут же подстроилось под ее вес и рост. Бертон придвинул себе облезлый стальной табурет, махнул, и появилась заставка:

МИЛАГРОС СОЛЬВЕТРА ЮА

- Что это? – спросила Флинн.
- Наши работодатели.
- Как они платят?
- Мегапал.
- Тебя точно застукают.
- Деньги идут на счет Леона, – ответил Бертон.

Леон служил в армии примерно тогда же, когда Бертон в морской пехоте, но ему инвалидности не дали. «Хрен он докажет, что подцепил свой дебилизм именно там», – говорила их мать. Флинн, впрочем, никогда не считала Леона тупым. Просто ленивым и хитрым.

– Тебе понадобятся мои логин и пароль. Гоп три раза.

Так они произносили его геймтег – «Гаптраз», – чтобы чужие не подслушали.

Бертон вытащил из заднего кармана сложенный конверт, развернул и открыл. Бумага была плотная, светло-бежевая.

- Из фабы? – спросила Флинн.

Бертон достал из конверта длинную полоску такой же бумаги с несколькими строчками напечатанных символов и цифр:

– Если отсканируешь его или вобьешь куда-нибудь, кроме этого окошка, прощай работа.

Флинн взяла конверт со складного обеденного стола, куда положил его Бертон. Это и впрямь была канцелярка Шайлен, лучшая, – такую делали по заказу больших компаний или юридических фирм. Флинн провела пальцем по логотипу в верхнем левом углу:

– Медельин?

– Охранная контора.

– Ты ж говорил, игра.

– У тебя в кармане десять штук баксов.

– Давно ты на них пашешь?

– Две недели. Кроме воскресений.

– И сколько платят?

– Двадцать пять штук за смену.

– Тогда добавь до двадцати. За то, что кину Шайлен.

Он дал ей еще две пятерки.

2. Конфетка со стрихнином

Недертона разбудила эмблема Рейни, пульсирующая за веками с частотой сердцебиения в состоянии покоя. Благоразумно не поворачивая головы, Недертон убедился, что он в постели, один. И то и другое в данных обстоятельствах радовало. Он медленно приподнял голову от подушки. Одежды на полу не было. Очевидно, уборщики ночью вылезли из своего гнезда под кроватью и все утащили, чтобы соскоблить незримый слой отшелушенных клеток кожи, секрета сальных желез, атмосферных частиц, остатков еды и прочего.

– Грязная, – хрипло произнес Недертон, на миг вообразив таких уборщиков для души, и снова уронил голову на подушку.

Эмблема Рейни замигала стробоскопически, настойчиво.

Недертон осторожно сел. Встать было бы выше его сил.

– Да?

Мигание прекратилось.

– Небольшая проблема, – сказала Рейни.

Он зажмурился, но так осталась только эмблема. Уж лучше с открытыми глазами.

– И это твоя звездатая проблема, Уилф.

Недертон скривился, не ожидая, что гримаса отзовется в голове такой болью:

– Давно ты заделалась ханжой?

– Ты – пиарщик. Она – знаменитость. Это зоофилия.

В глаза словно насыпали песку, к тому же они не помещались в глазницах.

– Они, наверное, уже близко к пятну, – произнес он, рефлекторно стараясь показать, что бодр и владеет ситуацией, а не мучится диким и совершенно неожиданным похмельем.

– Они уже над пятном. И твой звездец с ними.

– Что она учудила?

– Один из ее стилистов по совместительству – татуировщик.

– Она же этого не сделала?

– Сделала.

– У нас была совершенно четкая устная договоренность.

– Придумай выход. Прямо сейчас. Все человечество смотрит. По крайней мере та часть человечества, которую мы убедили смотреть. Люди гадают: удастся ли Даэдре Уэст заключить мир с мусорщиками? Стоит ли поддержать проект? Нам нужен положительный ответ на оба вопроса.

– Двух предыдущих послов они съели, – сказал Недертон. – Галлюцинируя синхронно с дебрями кода, в убеждении, что их гости – шаманские звериные духи. Я трое суток кряду ее натаскивал. Месяц назад в «Коннахте». Три антрополога, два эксперта по неопримитивизму. Никаких татуировок. Нулевой, абсолютно чистый эпидермис. И тут здрасте.

– Отговори ее, Уилф.

Он проверил, сможет ли встать. Получилось. Прошел в туалет, голый, пописал как можно громче.

– От чего отговорить?

– Она намерена спуститься на парашуте без...

– Так и запланировано.

– Без ничего. Если не считать ее новеньких тату.

– Шутишь?

– Какие уж тут шутки...

– На случай если ты не заметила, красота, в их понимании, ассоциируется с доброкачественными кожными новообразованиями, избыточными сосками и тому подобным. Традици-

онные татуировки однозначно сигнализируют имиджем гегемона. Как явиться на аудиенцию к папе римскому с генитальным пирсингом напоказ. Даже хуже. Какие они из себя?

– Постчеловеческая гнусь, по твоим же словам.

– Да нет, татуировки!

– Что-то с круговым течением. Абстрактные.

– Посягательство на культурное достояние. Класс. Хуже не придумаешь. На лице? На шее?

– По счастью, нет. Если ты уговоришь ее надеть комбинезон, который мы сейчас печатаем в мобиле, проект еще удастся спасти.

Недертон взглянул на потолок. Вообразил, как крыша разверзается и он сам уплывает вверх. Неведомо куда.

– И еще наши саудовские спонсоры, – продолжала Рейни. – Видимые татуировки они бы пережили, хоть и с трудом. Женскую наготу – нет.

– Они могут воспринять это как приглашение к сексу, – сказал Недертон. Сам он именно так и воспринял.

– Саудовцы?

– Мусорщики.

– Или как ее готовность стать их обедом, – заметила Рейни. – Последним в любом случае. Она – конфетка со стрихнином. Любого, кто хотя бы чмокнет ее в щечку, хватит анафилактический шок. Там еще что-то с ногтями, но мне толком не объяснили.

Он обмотался вокруг пояса белым махровым полотенцем. Подумал, не выпить ли воды из графина на мраморном столе, но его замутило от одной мысли.

Возникла незнакомая эмблема.

– Лоренцо, – сказала Рейни, – подключаю к тебе Уилфа Недертон, в Лондоне.

И тут Недертон чуть не блеванул от входящей картинки: яркий просоленный свет Мусорного пятна, ощущение полета.

3. Шугать жучков

Флинн отзвонилась Шайлен, сумев не упомянуть Бертона. Шайлен какое-то время встречалась с ним в старших классах, но всерьез положила на него глаз, когда он вернулся с войны, весь такой ветеран Первой гаптической разведки, с морпеховским торсом и следами татуировок. Флинн считала, что Шайлен, как это называют в психологических шоу, романтизирует патологию. Впрочем, не то чтобы здесь было особенно из кого выбирать.

По поводу Бертона они с Шайлен сходились только в одном: обеих тревожило, что он цапается с «От Луки 4: 5». Луканутых не любили все, но Бертон воспринимал их как личную занозу в заднице. Флинн подозревала, что для него это просто повод, и все равно беспокоилась. Они возникли как церковь или в церкви: против голубых, против абортот и противозачаточных средств. Устраивали акции протеста на военных похоронах, из-за чего Бертон и взелся. Остальные просто считали луканутых больными на всю голову мудозвонами, а те видели в таком отношении к себе знак своей богоугодности. Для Бертона они были способом выпустить пар.

Сейчас Флинн наклонилась, ища под столом черный нейлоновый чехол для томагавка. Бертон говорил, это не томагавк, а топорик, но, как ни называй, Флинн хотела убедиться, что брат не взял его в Дэвисвилл. Она приподняла чехол – тяжелый, значит все в порядке. Заглядывать внутрь не было никакой надобности, однако Флинн все-таки расстегнула молнию. Чехол был шире всего вверху, где помещался боек – по форме как широкое долото, только с изгибом, а вместо обуха – клюв, уменьшенное подобие лезвия, но с изгибом в другую сторону. И лезвие, и клюв толщиной в мизинец, но заточены так, что не заметишь, как порежешься. Рукоятка чуть выгнута назад и вымочена в каком-то специальном составе, так что дерево стало еще более прочным и упругим. У всех в Первой гаптической разведке были такие томагавки, их делал один кузнец в Теннесси. Осторожно, чтобы не порезать пальцы, Флинн застегнула чехол и положила на место.

Она провела телефоном сквозь дисплей и вызвала хомовскую карту округа. Бляшка Шайлен была в фэбе «Форева», один из сегментов эмоколечка лиловел тревогой. Как обычно, никто ничем особым не занимался. Мэдисон и Дженис гамали в «Су-27», олдскульный авиатренажер, служивший Мэдисону главным источником заработка. У обоих колечки были бурые, что означало «настроение говенное», Впрочем они и не заморачивались его менять. Выходило, что сегодня из ее знакомых работают четверо, считая саму Флинн.

Она согнула телик, придав ему свой любимый игровой угол, вбила «Гаптраз» в окошко логина, ввела длиннющий пароль и щелкнула «ВОЙТИ». Ничего не произошло. И вдруг – будто вспышка фотоаппарата в старом кино – весь дисплей залило светом, серебристым, как шрамы от гаптики. Флинн заморгала.

В следующий миг она уже шла вверх с пусковой платформы на крыше фургона. Как в лифте. Панель управления пока не появилась. Обо всем этом Бертон предупредил, а вот о чем он не сказал, так это о голосах: со всех сторон звучали настойчивые шепотки, словно целое облако невидимых фей – полицейских диспетчеров.

Нижний обзор показывал уменьшающийся прямоугольник фургона. Верхний – бесконечное здание, обрыв высотой с целый мир.

4. Нечто, столь нерушимо приобретенное

Лоренцо, оператор Рейни, профессионально твердым и неторопливым взглядом отыскал Даэдру в окне, выходящем на верхнюю носовую палубу мобилия.

Недертон ни за что бы не сознался Рейни, да и вообще никому, что жалеет о романе с Даэдрой, злится на чужой, грутально-примитивный образ, который она ему навязала.

Сейчас он (а вернее, Лоренцо) смотрел на Даэдру через окно. На ней были солнцезащитные очки и кожаная летная куртка, больше ничего. Недертон против воли отметил подновленный с их прошлой встречи ирокез на ее лобке. Татуировки, как он догадывался, стилизованно изображали течения, за счет которых возникло Северо-Тихоокеанское мусорное пятно. Свежие и блестящие, под какой-то мазью на основе силикона. Идеально подобранной, чтобы их подчеркнуть.

Часть окна уехала вбок. Лоренцо шагнул вперед. «У меня на связи Уилф Недертон», – прозвучал в ушах его голос. Эмблема Лоренцо сменилась эмблемой Даэдры.

Она вцепилась руками в лацканы расстегнутой куртки:

– Привет, Уилф!

– Рад тебя видеть, – сказал он.

Даэдра улыбнулась, показывая зубы, форму и расположение которых определяла, наверное, целая комиссия дизайнеров. Плотнее запахнула куртку, держа кулаки под горлом:

– Ты злишься из-за тату.

– У нас была вполне определенная договоренность.

– Я должна делать, что мне хочется, Уилф. Я не люблю в чем-либо себе отказывать.

– Не мое дело вмешиваться в твой творческий процесс, – сказал он, стараясь направить энергию крайнего раздражения в поддельную искренность. Это была его фирменная алхимия, но сегодня мешало похмелье. – Помнишь Анни, эксперта по неопримитивизму? Умненькую?

Глаза у Даэдры сузились.

– Это которая смазливая?

– Да, – отвечал Недертон, хотя сам так не думал. – Мы с ней пропустили по стаканчику после заключительной встречи в «Коннахте», перед моим отъездом.

– И что она?

– Как я понял, ее парализовало от восхищения. Когда ты ушла, Анни все мне рассказала. Она убивалась, что не посмела поговорить с тобой о твоём творчестве.

– Она художник?

– Искусствовед. Фанатеет по тебе еще со школы. Подписана на полный комплект миниатюр, хотя буквально не может себе такого позволить. Слушая ее исповедь, я совершенно по-новому увидел твою карьеру.

Даэдра тряхнула волосами и сняла солнцезащитные очки. Для этого ей пришлось оторвать руку от лацкана, и куртка, вероятно, снова разошлась, но Лоренцо смотрел только на лицо.

Недертон расширил глаза, готовясь экспромтом выдать следующую порцию лжи, которую еще даже не сочинил. Тут он вспомнил, что Даэдра его не видит. Что она глядит на человека по имени Лоренцо на верхней палубе мобилия по другую сторону земного шара.

– Особенно ей хотелось передать то, что она осознала, увидев тебя вживую. Новое чувство времени, которое она увидела в тебе. Анни считает его ключевым фактором твоего творческого раскрытия.

Лоренцо перефокусировался, и теперь Недертон видел губы Даэдры в нескольких сантиметрах от своего лица. Он вспомнил их странно резкий неорганический вкус.

– Чувство времени? – переспросила она.

– Надо было записывать. В пересказе получается совсем не то. – Недертон напрягся, сиюсь вспомнить, что за ахинею нес минуту назад. – Смысл в том, что ты сейчас более уверена в себе. Ты всегда была храброй, даже бесстрашной, но вот это внутреннее спокойствие – нечто совершенно новое. Нечто, говоря ее словами, столь нерушимо приобретенное. Я собирался обсудить с тобой ее идеи за обедом, но потом все повернулось иначе.

Даэдра глядела пристально, не моргая. Недертону представилось, как ее эго медленно выплывает наружу и смотрит на него с подозрением – нечто угреподобное, личиночное, с просвечивающим скелетом. Очевидно, ему удалось полностью завладеть ее вниманием.

– В противном случае, – услышал он свой голос, – этого разговора между тобой и мной, скорее всего, не было бы.

– Почему?

– Потому что Анни объяснила бы тебе, что задуманный тобой выход продиктован попятным импульсом, рецидивом более ранних ступеней творчества. Что он контрорганичен твоему новому чувству времени.

Даэдра все так же в упор смотрела на него, точнее, на неведомого Лоренцо. Потом непроизвольно улыбнулась какой-то своей мысли.

Эмблема Рейни потускнела, сигнализируя о переходе в личку.

– Ты гений, – сказала Рейни из Торонто. – Я бы прямо сейчас захотела родить от тебя ребенка, но не стоит плодить лгунов.

5. Стрекозы

Флинн забыла пописать. Пришлось оставить коптер на автопилоте в пятнадцати футах от здания и пулей лететь в новый компостный туалет Бертона. Теперь она застегнула шорты, бросила в дыру совок кедровых опилок и выскочила наружу. Большой мягкий флакон государственного антисептика, который Бертон приспособил на дверь, закачался и заплескал. Флинн хлопнула по пластику, выдавила немного геля и втерла в ладони, гадая, не потырил ли Бертон флакон в клинике В. А.

В трейлере она схватила из холодильника кусок домашнего джерки (Леон делал) и банку «Ред булл». На ходу сунула кривой кусок вяленой говядины в рот, села и взялась за телефон.

Папарацци уже налетели. Они походили на двухъярусных стрекоз: крылья (или винты) прозрачны от скорости, спереди стеклянный шарик-глазок. Флинн попробовала их пересчитать, но не смогла, так быстро они шнырили туда-сюда. Может, шесть, может, десять. Они явно интересовались зданием. Как жучки с эмульсией искусственного интеллекта. Впрочем, Флинн и сама так умела. Папарацци вроде бы ничего не делали, просто подлетали и зависали, глазком к зданию. Она оттеснила двух. Стрекозки унеслись, но ясно было: они скоро вернуться. Судя по всему, они ждали чего-то, что должно произойти на пятьдесят шестом этаже.

В некоторых ракурсах здание казалось черным, хотя на самом деле было цвета очень темной бронзы. Окна то ли отсутствовали вовсе, то ли отсутствовали на этажах, которые патрулировала Флинн, то ли были закрыты ставнями. На фасаде располагались большие прямоугольники, некоторые горизонтально, некоторые вертикально, без всякой системы.

Феи-диспетчеры умолкли, когда индикатор дисплея показал двадцатый этаж. Более строгий протокол? Она не отказалась бы услышать их снова. Гонять стрекоз было довольно тоскливо. Будь Флинн здесь по своей воле, она бы осмотрела город, но ей платили не за то, чтобы любоваться видами.

По крайней мере одна улица была прозрачная, как будто стеклянная, и подсвечена снизу. И очень мало машин. Может, их еще не нарисовали. Флинн вроде бы видела, как что-то идет на двух ногах по краю леса или парка. Не человек, куда больше. Некоторые автомобили были совершенно темны: ни фар, ни светящихся окон. И еще что-то большое проплыло за высотками вдали, похожее на кита или на акулу китовых габаритов. С огнями, как самолет.

Флинн на пробу сдавила джерки зубами. Нет, еще не жуется.

Резко пошла на стрекозу в камере переднего обзора. С какой бы скоростью Флинн ни двигалась, они просто отлетали прочь. Тут горизонтальный прямоугольник откинулся вперед, как столик или полка, явив глазам стену светящегося матового стекла.

Флинн вытащила джерки изо рта и положила на стол. Жучки вернулись и теперь маневрировали, спеша зависнуть перед окном, если это было окно. Флинн свободной рукой нащупала «Ред булл», подцепила пальцем колечко, отпила глоток.

И тут на матовом стекле появился силуэт стройного женского зада, прижатого к окну. Потом, выше, лопатки. Только тени. Затем растопыренные пятерни справа и слева от них. Судя по размеру, мужские.

Энергетик был на вкус как холодный разведенный сироп от кашля. Флинн проглотила, крикнула: «Пшли вон!» – и ринулась на стрекоз.

Одна из мужских ладоней оторвалась от стекла, ее тень исчезла. Женщина шагнула прочь, вторая мужская ладонь осталась на прежнем месте. Флинн догадывалась, что пара стояла у окна и мужчина рассчитывал на поцелуй, но его ожидания не оправдались.

Мутновато для начала игры. Больше подошло бы для серьезной передачи о психологии семейных отношений. Вторая ладонь тоже исчезла. Флинн вообразила раздраженный жест.

Зазвонил ее телик. Флинн включила его на громкую связь.

- Ты как? – спросил Бертон.
- Я там. А ты в Дэвисвилле?
- Только что доехали.
- Луканы выступают?
- Они здесь.
- Не связывайся с ними, Бертон.
- И в мыслях не было.
- Ну да, конечно.
- В этой игре что-нибудь когда-нибудь происходит?
- Ты отгоняешь камеры?
- Да. И еще тут появился такой вроде откидной балкон. Длинное окно матового стекла, за ним свет. Видела тени людей.
- У меня такого не было.
- Еще видела что-то вроде дирижабля. Где это происходит?
- Нигде. Просто отгоняй камеры.
- Больше похоже на службу охранника, чем на игру.
- Может, это игра в службу охранника. Я пошел.
- Куда?
- Леон вернулся. Принес корейских хот-догов. Жалеет, что ты не поехала.
- Передай, что я делаю дебильную работу за моего дебильного братца.
- Передам. – И он отключился.
- Флинн ринулась на жучков.

6. Мусорщики

Лоренцо транслировал подлет мобиля к городу. Руки Недертон на мягких подлокотниках самого удобного кресла в комнате и руки оператора на перилах ненадолго слились в одно – ощущение настолько же безмянное, как и сам город.

Не город, настаивали эксперты, но растущая скульптура. А еще точнее – ритуальный объект. Желтовато-серый, матово-прозрачный, переработанный из взвеси, составляющей верхний слой Великого Тихоокеанского мусорного пятна. Приблизительным весом в три миллиона тонн (и эта величина возрастала каждый день), он удерживался на плаву за счет сегментированных пузырей, каждый размером с крупный аэропорт прошлого века.

Известное число обитателей не достигало сотни, а поскольку то неведомое, что безостановочно строило город, одновременно съедало камеры, про туземцев никто ничего толком не знал.

Столик на колесиках подъехал чуть ближе к подлокотнику, напоминая Недертону про его кофе.

– Теперь давай ее, Лоренцо, – распорядилась Рейни, и оператор, повернувшись, сфокусировался на Даэдре.

Вокруг нее теснились специалисты. Фарфоровая митикоида в викторианском матросском костюмчике, стоя на коленях, шнуровала артистично потертые кожаные сапоги Даэдры, в то время как одна из висящих в воздухе камер специальным вентилятором раздувала той челку. Видимо, специалисты оценили скорость ветра и решили, что шлем будет лишним.

– А удачно вышло, – произнес Недертон, невольно залюбовавшись покроем комбинезона. – Если она не вздумает раздеться.

Словно услышав его, Даэдра потянула молнию – сперва чуть-чуть, потом сильнее, обнажив жирную дугу стилизованного Кругового течения.

– Мы немножко помудрили с принт-файлом молнии, – сказала Рейни. – Хорошо бы твоя фифа не попыталась заголиться сильнее, пока не будет на месте.

– Ей это не понравится.

– Ей не понравится, что ты наврал про экспертессу.

– Экспертесса вполне может думать что-нибудь в таком роде. Не поговорив, не проверишь. – Он, не глядя, взял чашку и отпил кофе. Очень горячий. Черный. Может, еще удастся выжить. Анальгетики уже потихоньку начали действовать. – Если Даэдра получит свой процент, она не вспомнит про заевшую молнию.

– Это при условии, что переговоры пройдут успешно, – заметила Рейни.

– У нее есть все основания стремиться к их успеху.

– Лоренцо отправил за борт две большие камеры, – сказала Рейни. – Они скоро начнут давать картинку с места.

Недертон разглядывал костюмеров, визажистов, взбодривателей и документалистов:

– Сколько среди них наших?

– Шесть, включая Лоренцо. Он считает, что главный телохранитель – митикоида.

Недертон кивнул, забыв, что Рейни его не видит, и тут же вздрогнул, пролив кофе на белый халат: в поле зрения по обе стороны от Даэдры диафрагмировались врезки с двух стремительно движущихся камер.

От картинки острова у него привычно засвербела вся кожа.

– Они сейчас примерно в километре одна от другой, идут сходящимися курсами на запад-северо-запад, – сказала Рейни.

– На это я не подписывался.

– Тебе туда отправляться не надо, но смотреть мы должны вместе.

Камеры спускались через какие-то высокие структуры наподобие парусов. Все выглядело одновременно циклопическим и пугающе эфемерным. Огромные пустые площади и скверы, проспекты, по которым могли бы пройти шеренгой сто человек.

Ниже стали видны засохшие водоросли, побелевшие кости, соляная корка. Мусорщики поставили себе целью очистить верхний слой воды и собрали свой город из переработанных пластиковых отходов. Внешние формы были вторичными, несущественными и все равно изумляли своим уродством. От них хотелось немедленно залезть под душ. Кофе уже начал просачиваться через халат.

Сейчас на Даэдру надели парашлан, который в сложенном виде напоминал двудольный красный рюкзак с белым логотипом изготовителя.

– Рекламное место на парашлане наше или ее? – спросил Недертон.

– Ее правительства.

Камеры резко замедлились, синхронно поймав друг друга над заданным квадратом, и продолжили спуск к противоположным углам площади. Теперь внутри каждой врезки можно было видеть идентичную камеру-напарницу: легкий серый овал размером с чайный поднос, посредине – маленький обтекаемый фюзеляж.

Кто-то включил аудио – то ли Рейни, то ли Лоренцо.

Квадрат заполнился тихим стоном – звуковой визитной карточкой острова. Все сооружения мусорщиков были пронизаны открытыми вертикальными трубами, и ветер, задувая в них, генерировал переменную тональность, которую Недертон возненавидел с первой секунды.

– А без концерта нельзя? – спросил он.

– Важная часть атмосферы острова, которую я хочу донести до зрителей.

Какая-то огромная фигура двигалась вдали слева.

– Это еще что?

– Ветроход.

Четырехметровой высоты, без головы, но с неисчислимым количеством ног, он был из того же бледного пластика, пустой, словно чей-то сброшенный панцирь, и двигался, как марионетка в руках неуклюжего кукловода, – покачиваясь из стороны в сторону. Торчащий по всей его длине лес труб явно вносил свой вклад в песню пластмассового острова.

– Его прислали мусорщики?

– Нет, – ответила Рейни. – Они отпустили его гулять, куда ветер дует.

– Он не должен попасть в кадр.

– Ты теперь у нас режиссер?

– Он не должен попасть в кадр, – повторил Недертон.

– Об этом позаботится ветер.

Ветроход, покачиваясь, медленно укловывал на полых полупрозрачных ногах.

На верхней палубе мобили помощники отошли от Даэдры, только фарфоровая митико-ида еще проверяла парашлан, двигая пальцами с нечеловеческой скоростью и точностью. Лента викторианской матросской шапочки трепетала на ветру, уже настоящем, а не от камеры с вентилятором.

– Есть первый, – сказала Рейни.

Одна из камер как раз навелась на ребенка. Или кого-то ростом с ребенка. Мусорщик ехал на призрачном велосипеде из того же обросшего соляной коркой полиэтилена, что здания и ветроход. Ни мотора, ни педалей, так что седоку приходилось все время отталкиваться ногами от мостовой.

Мусорщики вызывали у Недертонна даже большее отвращение, чем остров. Их кожу сплошь покрывала искусственная разновидность солнечного кератоза, которая парадоксальным образом защищала от канцерогенного ультрафиолета.

– Всего один?

– Спутник показывает, что они двигаются к площади. Двенадцать, считая этого. Как и договаривались.

Недертон продолжал следить, как мусорщик неопределенного пола приближается на детском беговеле. Глаза существа (или, возможно, очки) составляли одну узкую горизонтальную черточку.

7. Наружка

За матовым стеклом готовились к торжественному приему. Флинн знала это, потому что оно стало прозрачным, как в том фокусе с двумя солнцезащитными очками, который показывал ей Бертон.

Стрекозки активизировались, активизировалась и Флинн. Она нашла кнопку вертикального спуска для экстремального пилотажа и теперь могла атаковать с неожиданных углов. Даже чуть не поймала одну, рухнув на нее сверху. От такой короткой дистанции крупный план на миг застыл, но тут же пропал, а кнопки, чтобы восстановить картинку из памяти, не было. Стрекоза вблизи походила на игрушку или особо уродское украшение из фабы Шайлен.

Флинн наняли распугивать стрекоз, а не ловить, тем более что у разработчиков так и так будут записи всех ее действий. Однако, гоня папарацци, она могла неплохо разглядеть, что происходит внутри.

Парочки, стоявшей у окна, в помещении уже не было. И вообще никого из людей. Маленькие бежевые пылесосы наводили чистоту, катаясь по полу так быстро, что и не разглядишь. Три девушки-автомата накрывали длинный стол. Они были практически одинаковые: классические анимешные робоняшки с фарфоровыми личиками, почти лишенными черт. Они соорудили три большие цветочные композиции, расставили подносы и теперь перекладывали туда еду с тележек. Когда тележки подкатывались к столу, бежевая мельтешащая масса чуть раздвигалась, давая им проход. Текла вокруг, как механическая вода, отскакивая под идеально прямыми углами.

Бертон бы не оценил этого так, как Флинн. Ей хотелось увидеть, каким будет праздник.

Она совсем не любила телешоу, где люди готовятся к свадьбе, похоронам или концу света. Но в тех шоу не было автоматических девушек и гоночных роботов-пылесосов. Заводские роботы-сборщики на видео двигались почти так же быстро, а вот детские игрушки, которых печатала Шайлен, – никогда.

Флинн шуганула двух жучков и зависла, краем глаза продолжая наблюдать за автоматами. На одной из рободевушек была стеганая куртка с множеством карманов, из которых торчали маленькие блестящие инструменты. Рободевушка чем-то вроде зубочистки художественно раскладывала на суши не то икринки, не то какую-то другую мелочь, Флинн не могла разглядеть. Зато видела на фарфоровом личике круглые черные глаза, расставленные шире, чем у людей. Раньше их там не было.

Она чуть сильнее согнула телефон, давая отдых усталым пальцам, и снова ринулась на жучков.

Бежевое мельтешение на полу исчезло, как будто щелкнули выключателем, остался лишь один бедолага, похожий на морскую звезду. Ему пришлось улепетывать на колесиках, или что там у него было на концах лучей. Сломался, наверное, подумала Флинн.

В комнату вошла женщина, красивая брюнетка. Не как горячие штучки в играх для мальчиков. Реалистичнее. Вроде любимого ИИ-персонажа Флинн в «Операции „Северный ветер“», героини французского Сопротивления. Простое платье наподобие длинной футболки, темно-серого цвета, перетекающего в черный там, где ткань соприкасалась с телом. Это напомнило Флинн тени на матовом стекле. Пока женщина шла вдоль стола, платье сползло с ее левого плеча, полностью его оголив. Именно что не соскользнуло, а сползло по собственному почину.

Рободевушки замерли, подняв лица, теперь совершенно безглазые – неглубокие глазницы такие же ровные, как щеки. Женщина обогнула конец стола. Папарацци всем скопом ринулись к окну.

Вбок, вверх, вниз, назад. Флинн слышала, как щелкают ее пальцы по телефону.

– Кыш, падлы! – крикнула она стрекозам, снова бросая на них квадрокоптер.

Женщина остановилась перед окном, глядя наружу. Платье плавно вползло на ее голое левое плечо, вырез на миг вытянулся в узкое декольте, затем скруглился.

– Кыш, падлы!

Окно вновь поляризовалось, или как там это называется.

– Падлы! – крикнула Флинн стрекозам, хотя их вины тут, вероятно, не было.

Быстро облетела дом на случай, если с другой стороны тоже открыто окно и она что-нибудь пропустила. Ничего. И ни одной стрекозы.

Назад. Папарацци, зависнув перед окном, подрагивали в ожидании. Флинн пролетела через их рой, и он унесся прочь.

Вытащила из-за щеки кусок джерки, прожевала. Почесала нос.

Нюхнула антисептика, которым по-прежнему воняли пальцы.

Ринулась на стрекоз.

8. Двоечлен

У главного мусорщика голова росла сразу из плеч (если это был не маскарадный шлем из кератозной кожи). Еще у него было жабые лицо и два пениса.

– Мерзопакость, – сказал Недертон, не рассчитывая на ответ Рейни.

За два метра ростом, с непропорционально длинными руками, главарь прикатил на велосипеде-«пауке»: полые спицы большого переднего колеса были сделаны в форме костей альбатроса. Сквозь драную балетную пачку из выцветшего пластикового мусора просвечивало то, что Рейни назвала его «двоечлением». Верхний пенис (если, конечно, это был пенис), меньший, находился в боеготовности, возможно всегда, и венчался чем-то вроде праздничного колпака, только не бумажного, а рогового. Второй, более привычной формы, хоть и гипертрофированного размера, вяло болтался внизу.

– Отлично, – сказала Рейни. – Все в сборе.

Между круглыми окошками врезок шла трансляция от Лоренцо: Даэдра в профиль перед складным трапом, ведущим к перилам мобилия. Голова наклонена, глаза опущены. Как будто молится или медитирует.

– Что она делает? – спросила Рейни.

– Визуализирует.

– Что?!

– Себя, я думаю.

– Я заключила пари. Сказала, ты на нее не клонешь. Проиграла.

– Это было совсем недолго.

– Ага. Все равно что «немножко беременна».

– Ненадолго беременна.

Даэдра вскинула подбородок и почти рассеянно тронула неяркую нашивку с американским флагом на правом плече.

– Золотой кадр, – откомментировала Рейни.

Даэдра поднялась по пяти ступеням трапа и рыбкой нырнула через перила.

Между двумя врезками раскрылась третья, показывающая вид снизу.

– Микро. Мы отправили вчера несколько штук, – говорила Рейни, пока в небе над островом раскрывался ало-белый параплан. – Мусорщики дали понять, что знают про них, но пока еще ни одну не съели.

Недертон провел языком по нёбу справа налево, отключая картинку с телефона.

– Как она тебе? – спросила Рейни.

– Замечательно, – ответил Недертон, глядя на неубранную кровать, и поднялся с кресла.

Он подошел к вертикально-вогнутому угловому окну. Оно деполяризовалось. Недертон глянул на ожидаемо пустой перекресток. Ни соляной корки, ни драматизма, ни атональной музыки ветра. За Блумсбери-стрит метровый изумрудно-зеленый богомол в желтых наклейках что-то по мелочи ремонтировал на фасаде времен королевы Анны. Наверняка какой-то любитель управлял им дистанционно. Рой невидимых ассемблеров справился бы куда лучше.

– Она всерьез собиралась прыгнуть голая, – сказала Рейни, – татуированная с ног до головы.

– Не преувеличивай. Ты же видела миниатюры ее прежних кож. Вот там и впрямь с ног до головы.

– По счастью, не видела.

Недертон дважды щелкнул языком по нёбу, включая изображение. Обе боковые камеры показывали главного мусорщика и одиннадцать его приближенных. Все застыли, глядя вверх.

– Красавцы, – проговорил Недертон.

– Ты действительно их так ненавидишь?

– А за что их любить? Глянь только.

– Они не ставят себе целью понравиться нам внешне. Ну и каннибализм, если это не наговоры, тоже их не красит. Однако они и впрямь очистили верхний слой воды практически без сторонних капиталовложений. И безусловно, владеют островом из переработанных полимеров, не имеющим аналогов в мире. На мой взгляд, это народ, если не государство.

Мусорщики на самокатах и беговелках окружили предводителя кольцом. Тот оставил велосипед на краю площади, но все равно возвышался над остальными, которые были настолько же малы, насколько он огромен, – серые карикатурные фигурки. Все щеголяли сложами лохмотьев, обесцвеченных солнцем и солью. Модификации, разумеется, зашкаливали. У наиболее очевидно женских особей было по шесть грудей, голую кожу покрывали не татуировки, а сложные абстрактные узоры из псевдорыбьей чешуи. Ноги, одинаково босые и беспалые, напоминали галоши. Лохмотья трепетали на ветру, больше ничего на площади не двигалось.

На центральном канале трансляции Даэдра стремительно шла вниз, затем качнулась и ненадолго поплыла вверх. Параплан менял ширину и профиль.

– Приземляется, – сказала Рейни.

Даэдра спускалась вдоль самой широкой из поперечных структур, теперь параплан ритмично менял форму, тормозя, похожий на медузу в съемке с эффектом замедленного движения. Даэдра почти не споткнулась, когда ее ноги коснулись полимера. Из-под артистично потертых сапог взметнулись облачка соли.

Параплан выпустил Даэдру, сжался, чтобы спружинить четырьмя ножками, лег на секунду-две и вновь собрался в двудольный тючок, логотипом кверху. Разумеется, он бы ни за что не приземлился логотипом вниз. Еще один золотой кадр. Врезка с центральной микрокамеры закрылась.

На двух других камерах, снимающих площадь с противоположных сторон, Даэдра, гася инерцию, легко и грациозно вбежала в круг мусорщиков.

Главарь, медленно переступая ногами, развернулся к ней всем корпусом. Глаза, расположенные по углам огромной, совершенно нечеловеческой головы, выглядели полустертыми детскими каракулями.

– Началось, – сказала Рейни.

Даэдра вскинула правую руку. Это можно было понять и как приветствие, и как знак, что она пришла без оружия.

В то же самое время ее левая рука потянула вниз застежку комбинезона. Молнию заело на ладонь ниже ключиц. По лицу Даэдры пробежало микровыражение ярости.

– Сука, – почти радостно проговорила Рейни.

Левая лапа главаря, похожая на просоленную боксерскую перчатку, сомкнулась на правом запястье Даэдры. Он дернул, и Даэдра повисла над прозрачным пластиком острова. Она изо всех сил пнула мусорщика в дряблый живот, как раз над драной балетной пачкой. Куски разбитой соляной корки полетели в стороны.

Чудовище поднесло Даэдру ближе к себе, почти к самому роговому колпачку псевдофаллоса. В тот же миг она спокойно приложила раскрытую левую ладонь к его серому кератозному боку, сразу над ребрами.

Мусорщика пробил дрожь. Он качнулся.

Даэдра вскинула обе ноги, уперлась ему в живот и толкнула. Казалось, ее левая рука тянет из его бока что-то вроде алой рулетки. Ноготь большого пальца. Длинной, когда вышел полностью, с ее руку до локтя. В сером мире кровь казалась неестественно яркой.

Мусорщик выпустил Даэдру, она упала на спину и мгновенно перекатилась на корточки; ноготь уже сократился вдвое. Раскрыв огромную пасть, в которой Недертон увидел лишь черноту, мусорщик завалился вперед.

Даэдра стояла на ногах и медленно поворачивалась. Оба ногтя на ее больших пальцах плавно закруглялись, на левом блестела кровь мусорщика.

– Гиперзвуковые, – произнес незнакомый голос на канале Рейни, бесполой и абсолютно спокойной. – Подлет. Торможение. Скачок уплотнения.

Никогда еще Недертон не слышал здесь грома.

Шесть безупречно гладких белых цилиндров в ряд через равные расстояния возникли над и чуть сбоку от мусорщиков, которые, побросав беговелы и самокаты, сжимали вокруг Даэдры кольцо. Вертикальная линия тонких оранжевых иголок заплясала над каждым, каким-то неведомым Недертону способом кромсая их в ошметки. Изображение в обеих врезках замерло. Одну из них почти целиком заполнил идеальный, невозможный, совершенно черный силуэт отрубленной руки.

– Мы в жопе, – с безграничным детским изумлением проговорила Рейни.

Недертон, глазами Лоренцо наблюдавший, как митикоида, на лету выпуская множественные паучьи глаза и оружейные дула, сиганула через перила, мог лишь согласиться с Рейни на все сто.

9. Временное задержание

Лондон.

Диоды Флинн в какой-то момент выключила, потому что так удобнее было высматривать стрекоз, и теперь не стала включать их обратно. Она надеялась в конце смены спуститься вдоль здания к фургону и на досуге изучить сеттинг, но ее просто выкинули из игры.

Она распрямила телефон, размяла пальцы и в тоскливой полутьме запустила поиск изображений по городам. Он много времени не занял. Изгиб реки, текстура старых, более низких зданий, контраст между ними и высотками. В настоящем Лондоне небоскребов было меньше, они стояли кучками и сильнее отличались формой и размером. В игровом мире они походили на мегаштабеля и далеко отстояли один от другого через равные расстояния, по квадратам. Флинн знала, что эта квадратная планировка – игровая. У настоящего Лондона такой отродясь не было.

Она задумалась, куда спрятать бумажку с паролем. Выбрала чехол с томагавком и уже убирала его обратно под стол, когда позвонил Леон.

– Как Бертон? – спросила Флинн.

– Безбаши, – ответил тот. – Временное задержание.

– Его арестовали?

– Нет. Просто заперли от греха подальше.

– Что он отколол?

– Возбухал. Безбаши потом улыбались и все такое. Им понравилось. Угостили его фирменной китайской сигаретой.

– Он не курит.

– Обменяет на что-нибудь.

– Телефон забрали?

– Безбаши всегда забирают телики.

Флинн взглянула на свой. Мейкон отпечатал его только на прошлой неделе. Хотелось верить, что Мейкон все сделал как надо, поскольку теперь ее номер попал в безовские компьютеры.

– Сказали на сколько?

– Они никогда не говорят, – ответил Леон. – Наверное, подержат, пока луканы не свалят.

– Как там сейчас?

– Да примерно как было.

– Чего стряслось-то?

– Да один бугай держал плакат «Бог покарает». Слушай, Бертон просил сказать: там же в то же время. Что ты для него делала. До его возвращения. Пятерка сверху через раз.

– Передай ему, не через, а каждый раз. Всё, что ему заплатят.

– Слушаю тебя и радуюсь, что у меня нет сестры.

– У тебя есть двоюродная сестра, придурок! Не забывай!

– Забудешь тут.

– Приглядывай за Бертоном, Леон.

– О'кей.

Флинн заглянула в Хому, убедилась, что Шайлен на прежнем месте, все так же с лиловым ободком. Надо туда заскочить. И заодно спросить Мейкона про телики, Бертона и свой.

10. Бар «Менады»

Угловая забегаловка в крытой галерее 1830 года постройки на нижнем ярусе Ковент-Гардена ориентировалась, вероятно, на туристов. Глядя на единственную официантку-митикоиду, Недертон невольно ждал, что сейчас она оцетинится оптическими прицелами. Большая, почти аутентичная с виду вывеска над барной стойкой, перед которой помещались четыре табурета, изображала, надо полагать, менад, целую толпу. Недертон (он сидел в отдельном кабинете за темно-бордовым бархатным занавесом) ни разу не видел в «Менадах» посетителей, оттого и назначил здесь встречу.

Тяжелый бархатный занавес чуть отодвинулся, и на Недертон глянул карий детский глаз под светлой челкой.

– Рейни? – спросил Недертон, хотя ничуть не сомневался, что это она.

– Извини, – ответила девочка, проскальзывая внутрь. – Ничего взрослого не было. В опере идет что-то популярное, и всё поблизости разобрали.

Он представил, как она лежит сейчас в своей длинной торонтской квартире, на мостике через авеню, соединяющем наискосок две старые высотки. С обручем на голове, который обманывает нервную систему, заставляя воспринимать движения прокатной периферали как собственный сон.

– Насмотрелась я на митикоид. – По виду ей было лет десять, если не меньше; внешность самая невыразительная, как обычно у прокаток. – Наблюдала ту, с мобилия, пока она охраняла Даэдру. Мерзость. Когда им надо, бегают, как пауки.

Она с хмурым видом села напротив Недертон.

– А где Даэдра? – спросил он.

– Неизвестно. Ее правительство выслало какое-то воздушное судно, но, разумеется, не позволило снимать эвакуацию. Мобилию приказали отойти подальше.

– Но ты все равно могла наблюдать?

– Эвакуацию – нет, все остальное – да. Главарь лежал ничком, все остальные были порублены в фарш. Больше никто из мусорщиков не появился, так что обошлось без новых жертв. Теоретически для нас это хорошо, если рассчитывать на продолжение проекта.

– Ваша спутница чего-нибудь желает, сэр? – спросила митикоида из-за бархатного занавеса.

– Нет, – отвечал Недертон.

Глупо переводить виски на перифераль. Даже такой паршивый, как в этом баре.

– Вообще-то, он мне дядя! – громко объявила Рейни.

– Ты сама предложила встретиться так, – напомнил Недертон и отпил глоток самого дешевого виски в баре – по вкусу ровно такого же, как самый дорогой, который он попробовал, покуда ждал.

– Ситуация – говно, – сказала она, вскидывая детскую ручонку. – Много говна наброшено на много больших вентиляторов.

Насколько можно было понять, Рейни работала на канадское правительство, хотя оно, конечно, герметически изолировало себя от всякой ответственности за ее действия. Вопиюще простое положение, на взгляд Недертон. Очень может быть, что Рейни даже представляла, хотя бы в общих чертах, кому именно подчиняется.

– Нельзя конкретнее? – спросил он.

– Саудовцы вышли из проекта.

Этого он ждал.

– Сингапур, – продолжала она. – Шесть наших самых больших НПО...

– Вышли?

Девочка кивнула:

– Франция, Германия...

– Кто остался? – спросил Недертон.

– Соединенные Штаты. И фракция в правительстве Новой Зеландии.

Еще глоток виски – язычок огня лизнул его язык.

Она склонила голову набок:

– Считают, что это заказное убийство.

– Бред.

– Нам так сказали.

– Кому «нам»?

– Не спрашивай.

– Я не верю.

– Уилф, – сказала девочка, подаваясь вперед, – это была мокруха. Кто-то использовал нас, чтобы убрать его, а заодно и свиту.

– При положительном исходе Даэдра получала значительный процент. Да и в любом случае то, что произошло, дорого ей обойдется.

– Самооборона, Уилф. Самая простая отмазка. Мы с тобой знаем, что она хотела их спровоцировать. Ей нужен был предлог, чтобы прибегнуть к самообороне.

– Но ведь послон изначально планировалась она? Когда ты подключилась, она уже была в проекте? Ведь так?

Девочка кивнула.

– Потом ты наняла меня. Так кто пригласил Даэдру?

– Твои вопросы, – произнесла девочка, четко выделяя каждое слово, – показывают, что ты неверно понимаешь наше положение. Ни ты, ни я не можем себе позволить интересоваться ответами. Мы пропустим удар по своей профессиональной репутации, Уилф. Но это... – Она не договорила.

Он глянул в безмятежные глаза прокатки и закончил за нее:

– ...безопаснее, чем подставиться под удар другого плана?

– Мы не знаем, – спокойно ответила девочка, – и не хотим знать.

Недертон посмотрел на стакан с виски.

– Ее прикрывали какой-то системой гиперзвукового вооружения, верно? Чем-то орбитальным, готовым к немедленному пуску?

– Обычная практика. Однако мы даже говорить об этом сейчас не будем. Всё позади. Ты понял? Для тебя и для меня тут надо поставить точку. Прямо сейчас.

Недертон глянул на нее.

– Могло быть хуже, – сказала девочка.

– Куда уж хуже?

– Ты по-прежнему сидишь здесь. Я дома, в теплой пижамке. Мы живы. И скоро, насколько я понимаю, будем искать работу. Пусть так и останется, ладно?

Он кивнул.

– Все было бы чуть менее сложно, если бы ты с нею не спал. Впрочем, это было недолго. И уже кончилось. Ведь кончилось же, Уилф?

– Разумеется.

– Ты не оставил у нее свою зубную щетку? Потому что нам обоим нужно, чтобы у тебя не было решительно никаких поводов встречаться или даже звонить.

И тут он вспомнил.

Но это поправимо. Незачем говорить Рейни.

Недертон потянулся к виски.

11. Тарантул

Флинн поставила велосипед в проулке, защелкнула замок и открыла сотовым заднюю дверь фабы «Форева». Внутри пахло оладьями и рисом с креветками из «Суши-лавки». Оладьи значили, что печатают из пластика, который годится в компост. Креветочный рис Шайлен всегда брала, когда работала по ночам.

Эдвард сидел на табурете посреди комнаты, мониторил. На нем были черные очки от ультрафиолета поверх визы на одном глазу. В полутьме очки не отличались от кожи цветом, только блеском.

– Мейкона видел? – спросила Флинн.

– Не-а.

Голос полужукоматозный от нудной работы и недосыпа.

– Подменить тебя, Эдвард?

– Да нет, я пока живой.

Флинн оглядела длинный стол, заваленный фабрикатами, которые предстояло очистить от следа, подшлифовать, собрать. Она провела за этим столом много длинных часов. У Шайлен всегда можно было подработать, если умеешь с ней ладить и руки тем концом вставлены. Видимо, сегодня печатали игрушки. Или украшения к Четвертому июля.

В соседней комнате Шайлен смотрела новости: злобные хари с плакатами.

Увидев Флинн, она подняла голову:

– Бертон звонил?

– Нет, – соврала Флинн. – А что?

Нулевой шанс избежать разговора о Бертоне.

– Безопасность забрала нескольких ветеранов. Я за него волнуюсь. Попросила Эдварда тебя подменить.

– Я его видела, – ответила Флинн. – Завтрак?

– Ты сегодня рано.

– Я не ложилась. – Флинн не стала спрашивать, чего там Шайлен от нее хотела. – Мейкона видела?

Шайлен чиркнула в дисплее модным полимерным ногтем, и луканы провалились в зелень воображаемой саванны.

– Сегодня не поэтому, – ответила Шайлен.

Она хотела сказать, что ночной аврал из-за скопившихся заказов, а не потому, что Мейкону нужны тишина и покой, чтобы печатать леваки. Флинн не знала, какую часть доходов от фабы дает левая продукция, но подозревала, что заметную. В миле по трассе стояло заведение сетки «Самофаб», где принтеры были покрупнее и поразнообразнее, но в «Самофабе» леваков не напечатаешь.

– Я на диете, – сказала Шайлен.

Над саванной взлетали фламинго.

– Оттого лиловый? – спросила Флинн.

– Бертон.

Шайлен встала и оттянула пальцем пояс джинсов.

– Бертон в состоянии сам о себе позаботиться, – сказала Флинн.

– Ветеранская администрация ни хера не делает, чтобы его вылечить.

Флинн догадывалась, что главным симптомом посттравматического расстройства у Бертона Шайлен считает его упорное нежелание с ней сойтись.

Подруга вздохнула, что Флинн не понимает, как плохо ее брату. У Шайлен волосы без начеса выглядят начесанными, заметила однажды мать Флинн. Это сохранялось, что с ними

ни делай, как пометки маркером под латексной краской. Шайлен нравилась бы Флинн всем, если бы не фигня насчет Бертона.

– Увидишь Мейкона, попроси связаться со мной. Нужна помощь с телефоном. – Флинн повернулась к выходу.

– Прости засранку, – сказала Шайлен.

Флинн сжала ей плечо:

– Как только позвонит, я тебе скажу. – И вышла через заднюю дверь, кивнув по дороге Эдварду.

Как раз когда она сворачивала в проулок за фабой, мимо пронесся на своем «тарантуле» Коннер Пенске – то, что от него осталось, угловатой загогулиной чернело между передними колесами. Дженет сшила ему эти длинные чулкоподобные мешки из полартека, с множеством молний. У Дженет на столе они казались чехлами для чего-то невообразимого, и, в общем, правильно казались. Гапತ್ರэзовцами в городе были только он и Бертон, и с Коннером случилось то самое, чего Флинн боялась для брата: он вернулся без одной ноги, без ступни на другой ноге, без руки и с двумя пальцами – мизинцем и безымянным – на оставшейся руке. Красивое лицо не пострадало нисколько, и это еще добавляло жути. Запах жареного куриного жира из выхлопной трубы трицикла висел в воздухе еще несколько секунд после того, как большое заднее колесо исчезло из виду. Коннер раскатывал ночами, все больше по проселкам их округа и пары-тройки соседних, управляя трициклом с помощью сервопривода, купленного на деньги В. А. Отрывался таким способом. Натягивал кондом-катетер, закидывался «будильником» и ехал, сколько хватит бака. Днем обычно спал. Бертон иногда ходил помочь ему по дому. Флинн отчаянно жалела Коннера: в школе он был очень славный, несмотря на смазливую физиономию. Ни он, ни Бертон, насколько знала Флинн, никому не рассказывали, как это с Коннером произошло.

Она доехала до «Джиммис», предоставив почти всю работу втулке. Вошла, села в уголке, заказала тосты и яичницу с ветчиной. Кофе брать не стала. Мультяшный красный бык с редбулловского зеркала над стойкой заметил ее и подмигнул. Флинн отвела глаза. Ее бесило, что эта штукавина заговаривает с тобой, называет тебя по имени.

Редбулловское зеркало было самым новым предметом в кафешке, которая считалась старой, еще когда мать Флинн ходила в школу. Всё, включая пол, покрывали наслоения глянцевого коричневого полимера, различных оттенков и степени затертости. Лук для хот-догов зашипел в масле, и у Флинн зашипало глаза. Да еще все волосы им провоняют.

«Мегамарт» уже должен был открыться. Флинн представила, как бродит по магазину, пока белые автокары развозят по местам палеты в скукоженной пленке. Ей нравилось бывать там рано утром. Она потратит одну новенькую пятерку: купит два пакета продуктов, таких, какие можно держать в шкафу. Из-за последних дождей овощи у всех уродились так, что их не знали, куда и деть. Потом заглянет в «Фарма-Джон» и оставит еще пятерку на оплату материальных рецептов. Приедет домой, выгрузит покупки, перетащит все в кладовку – и хорошо, если не разбудит никого, кроме кошки.

По краю стойки шли светодиоды, как у Бертона в трейлере, под замызганным слоем полимера. Флинн ни разу не видела их включенными, впрочем она уже больше года не была здесь вечером, в барные часы. Она придавила полимер пальцем, почувствовала, как он пружинит.

Бертон с Леоном, до того как завербовались, обнаружили, что этим самым полимером, пока он жидкий, можно с помощью шприца заполнить пространство между дробинами в патроне для помпового ружья и быстро заделать дырку эпоксидкой. При выстреле возникала толстая груша из дроби и полимера – так медленно, что почти можно видеть, как она лезет из дула. Тяжелые, эластичные, эти груши отскакивали от бетонных стен и потолка городского штормового убежища, норовя угодить во что-нибудь за углом. Ключи от убежища раздобыл Леон – жутковатое место, когда ты не прячешься там от торнадо вместе со всеми. Бертон со

временем действительно научился попадать по банкам из-за угла, но у Флинн от пальбы из «моссберга» болели уши, даже если их затыкать.

Бертон тогда был совсем другой. Не просто тощий и долговязый (во что сейчас верилось с трудом); он еще постоянно создавал вокруг себя беспорядок. Накануне вечером Флинн заметила: все в трейлере, к чему она не успела прикоснуться, стоит строго параллельно краю чего-нибудь другого. Леон говорил, что Бертон вернулся из корпуса морской пехоты повернутым на аккуратности, но Флинн как-то раньше об этом не задумывалась. Она напомнила себе, что надо будет выкинуть банку из-под «Ред булла» в контейнер для металлических отходов и вообще немного прибраться.

Официантка принесла яичницу.

Снаружи, за парковкой, протарахтел трицикл Коннера. Очень характерный звук, ни с чем не спутаешь. Полиция фактически закрывала на Коннера глаза, поскольку он катался в основном по ночам.

Хотелось верить, что он едет домой.

12. Тилагин

Ему хотелось произвести на нее впечатление, и подарок казался идеальным: за деньги не купишь, и вообще, судя по объяснениям Льва, что-то из готического романа с привидениями.

Разговор произошел в постели.

– И все они умерли? – спросила она.

– Вероятно.

– Давно?

– До джекпота.

– А в прошлом еще живы?

– Не в прошлом. Когда происходит начальный контакт, в нашем прошлом этого не случается. Возникает развилка. Они уже не движутся сюда, так что здесь ничего не меняется.

– Здесь? В моей постели? – Она с улыбкой раскинула руки и ноги.

– В нашем мире. В истории. Ни в чем.

– И он нанимает их на работу?

– Да.

– А чем он им платит?

– Деньгами. Их валютой.

– А как он ее добывает? Отправляется туда?

– Туда попасть нельзя. Но можно пересылать информацию в обе стороны, а значит – делать деньги там.

– Кто тебе про это рассказал?

– Лев Зубов. Мой бывший одноклассник.

– Русский.

– Старое клептархическое семейство. Лев – младший. Богатый бездельник. Может позволить себе дорогие игрушки. Это из последних его увлечений.

– Почему я до сих пор про такое не слышала?

– Дело новое, неафишируемое. Лев ищет передовые направления, в которые его семья может вложиться. Он думает, это из Шанхая. Что-то связанное с квантовым туннелированием.

– Как далеко назад можно попасть?

– В две тысячи двадцать третий – самое раннее. Лев считает, тогда что-то изменилось. Был достигнут определенный уровень сложности. Что-то, чего тогда никто не заметил.

– Напомни мне об этом позже.

Она потянулась к нему.

По стенам в рамах – три ее последние содранные кожи. Под ним – ее теперешняя, тогда еще чистый лист.

Сейчас было десять часов вечера. На кухне в ноттинг-хиллском особняке, принадлежащем отцу Льва, его «доме искусства». Недертон знал, что есть еще «дом утех» к югу от Гайд-парка, несколько «домов бизнеса» и «семейный дом» в Ричмонде. Ноттинг-хиллский особняк приобрел еще дед Льва в середине века. Это была его первая лондонская недвижимость, на самой заре джекпота. Благородный упадок говорил о заоблачном благе: здесь не было уборщиков, ассемблеров, никакого наружного контроля. Разрешения на такое за деньги не купишь. Зубов-отец просто входил в круг тех, кому можно всё, и Лев, по праву рождения, тоже, хотя его братья (которых Недертон всячески избегал) с виду больше напоминали brutальных самцов, способных отстоять фамильные привилегии.

За окном кухни один из двух тилацинаналогов Льва присел погадить у ярко освещенной клумбы с функиями, и Недертон задумался, сколько стоит помет такой зверюги. Существовали разные школы тилациноводства, враждующие геномы. Еще одно хобби Льва. Зверь повернулся со своей особой непесей грацией, показав бок в вертикальных геральдических полосах, и как будто устался на Недертоне. Странная штука – взгляд млекопитающего хищника, который не кошка и не собака, заметил как-то Лев. А может, глазами тилацина смотрела сейчас Доминика. Она терпеть не могла Недертоне и при его появлении сразу ушла вверх или в традиционно глубокий айсберг олигархических подземных этажей.

– Это не так просто, – сказал Лев, ставя красную кружку с кофе на изрезанный дубовый стол, рядом с желтым кубиком лего, забытым его сынишкой. – Сахару?

Образ Льва складывался из высокого роста, старомодных очков, русой бородки и художественного беспорядка в одежде.

– Не вижу, в чем сложность. Скажи ей, что система перестала работать. – Недертон глянул на Льва. – Ты мне говорил, такое возможно.

– Я говорил, что никто из нас понятия не имеет, как и почему это началось, кому принадлежит сервер и уж тем более – как долго он будет доступен.

– Вот и скажи ей, что все закончилось. Бренди у тебя есть?

– Нет, пей лучше кофе. Ты знаком с ее сестрой Аэлитой? – Лев опустил на стул напротив Недертоне:

– Нет, хотя она планировала нас познакомить. До того как. Вроде бы они не настолько близки.

– Довольно близки. Даэдра его не захотела. И честно говоря, я ее понимаю. Те, кому не безразличен континуум, таким не балуются.

– Не захотела?

– Попросила меня отдать его Аэлите.

– Своей сестре?

– Теперь он в ее охране. Роль минимальная, но она про него знает.

– Уволь его.

– Извини, Уилф. Аэлита заинтересовалась. В четверг мы встречаемся за ленчем. Я надеюсь объяснить ей, что полтеры – далеко не главное в континуумах. Думаю, она поймет. По разговору показалась довольно умной.

– Почему ты мне не сказал?

– У тебя других забот хватало. Да и честно говоря, ты тут был уже ни при чем. Даэдра позвонила, сказала, что ты милый, что ей не хочется тебя обижать и не могу ли я отдать твой подарок ее сестре, которая любит всякие курьезы. Я не придал этому большого значения, поскольку не похоже было, что у вас с нею всерьез и надолго. Потом позвонила Аэлита, я понял, что она искренне заинтересовалась, и отдал его ей.

Недертон обеими руками поднес кружку к губам и задумчиво отхлебнул кофе. По сути выходило, что проблема устранилась сама собой. Он больше никак не связан с Даэдрой. Друг и сестра бывшей любовницы познакомились при его косвенном участии – вот и все. Про Аэлиту Недертон помнил только, что ее назвали в честь советского немого фильма. У Рейни в досье о ней было совсем мало, и Недертон тогда поленился вникать.

– Чем она занимается? Какая-нибудь почетная дипломатическая должность?

– Их отец был спецпредставителем по разрешению кризисных ситуаций. Думаю, Аэлита унаследовала часть его полномочий, хотя многие назовут Даэдру более современной версией.

– С ногтями-стилетами?

Лев наморщил нос:

– Тебя увольняют?

– Очевидно, да. Хотя формально еще не уволили.

– Что будешь делать?

– Катиться вниз. В общем, теперь, когда ты объяснил, я не вижу ничего страшного в том, что у сестры Даэдры останется ее полтер. – Он отпил еще кофе. – Кстати, почему они так называются?

– Кажется, это от дүхов, которые двигают предметы. Привет, Гордон. Хороший мальчик.

Недертон проследил взгляд Льва и увидел тилацина, который стоял за окном на задних лапах, глядя в дом из внутреннего дворика. Выпить хотелось ужасно, и внезапно Недертон вспомнил, где есть ровно то, что ему сейчас нужно. Он встал:

– Мне надо подумать. Ничего, если я поброжу среди коллекции?

– Ты не любишь машины, – сказал Лев.

– Я люблю историю. И не хочу гулять по улицам Ноттинг-Хилла.

– Составить тебе компанию?

– Нет. Мне нужно пораскинуть мозгами.

– Ты знаешь, где лифт.

И Лев поднялся из-за стола, чтобы впустить тилацина в дом.

13. Легкий Лед

Дневной сон совершенно вышиб Флинн из времени. Сколько ей лет? Семь, семнадцать, двадцать семь? Раннее утро или поздний вечер? Сумерки за окном не давали ответа. Глянула на телефон. Вечер. Дом совершенно тих, мама, наверное, спит. В коридоре – запах дедушкиных «Нейшнл географиков» за пятьдесят лет. Полутемная лестница. На кухне Флинн плеснула себе в чашку остывшего кофе и вышла через заднюю дверь к душевой кабинке во дворе. Солнце как раз нагрело воду до приятной температуры. Флинн вымылась, надела старый банный халат Бертона и, на ходу вытирая голову полотенцем, отправилась переодеваться в рабоче.

Бертон приучил ее к тому, что сам усвоил в корпусе морской пехоты: в домашней одежде дела не делаются. Пока приводишь себя в порядок, возникает настрой. Когда Флинн была разведчицей у Дуайта, она всегда заранее мылась и надевала чистое. Впрочем, с этим покончено, хотя столько ей еще никто не платил. Флинн не тащила от игрушек, как Мэдисон и Дженис. Просто зарабатывала. Так намастырилась в одной конкретной миссии «Операции „Северный ветер“», что Дуайт не хотел на это место никого другого. Ладно, это дело прошлое.

Сегодня хотелось быть собранной не только для работы. Флинн решила по возможности разглядеть тот Лондон. Занятная игрушка, стоит иметь ее в виду на будущее. Главное, не шутер, если верить Бертону. Хорошо бы снова увидеть брюнетку, узнать, как та живет.

Флинн поднялась к себе в комнату, перерыла груды вещей на кресле и нашла самые новые черные джинсы, и впрямь еще почти черные. И черную рубашку с короткими рукавами, оставшуюся от работы в «Кофе-Джонсе». Военного покроя, с погончиками и накладными карманами. Надпись «Кофе-Джонс» Флинн спорола, оставила только свое имя, вышитое красной ниткой над левым карманом. Кроссовки к черному не подходили, но других у нее не было. Мейкон бы давно сфабил ей новые, да только она никак не находила модель, которую бы захотелось спиратить.

На кухне она сделала сэндвич с ветчиной и сыром, сунула его в контейнер, завернула телик вокруг левого запястья и пошла в темноте к трейлеру, слушая новую вещь «Целующихся журавлей». Перед самым припевом позвонил Леон. Флинн не стала снимать телефон с запястья.

– Привет, – сказала она. – Ну что, забрал его?

– Обещают скоро выпустить всех. Луканы вроде решили, что уже довольно потрудились во славу Божью.

– И что ты делал?

– Чесал яйца. Погонял шары в бильярдной. Спал в машине, на улицу не совался.

– С Бертоном еще говорил?

– Не-а. Их загнали на середину школьного стадиона. Я мог пойти на трибуны, поглядеть, как он режется в карты, наворачивает сухпай или спит. Оно мне надо?

Может быть, скука научит Бертона не ввязываться больше в такие истории, хотя Флинн сильно в этом сомневалась.

– Когда выпустят, скажи, пусть мне звякнет.

– Хорошо, – ответил Леон.

«Журавли» заиграли снова, когда Флинн уже шла мимо компостного сортира. Сейчас она обратила внимание, что флакон с антисептиком испещрен номерами заказов и QR-кодами, отчасти выцветшими. Но она сходила в туалет еще дома.

Открывая дверь, Флинн подумала: а ведь Бертон никогда не запирает трейлер. У него даже замка нет. Никто не ходит к нему без спроса.

Она и забыла, как раскаляется трейлер за день. Леон предлагал Бертону поставить кондиционер, но тот сказал, не надо. Он вообще почти не бывал тут днем.

Думая, что зря, наверное, выбрала рубашку и джинсы, Флинн сунула контейнер в холодильник и распахнула окна, насколько они открывались. Золотисто-черный паучок уже начал затягивать паутиной один из тоннелей в пене.

Потом немного прибралась. Пока она ходила по трейлеру, китайское кресло все время норовило под нее подстроиться. Флинн решила, что не хотела бы жить с таким в одном доме, но, когда наконец села, оценила его удобство.

Она согнула телефон и махнула им сквозь дисплей. Проверила Хому. Шайлен уже вернулась в фэбу; колечко по-прежнему выражало тревогу. Бертон значился вне карты. Как оказалось, в Дэвисвилле, на парковке у «Мегамарта». Очевидно, там сейчас стояли белые безовские фургоны, в одном из которых находился телефон Бертона. Флинн нахмурилась. Теперь безбаши узнают, что она проверяла его телик, но это норм. Не норм, если заметят, что ее телефон левый. Впрочем, теперь уже ничего не изменишь. Она вышла из Хомы и вернулась к вчерашнему поиску по картинкам.

Бертон все не звонил, но после слов Леона Флинн за него не волновалась, так что спокойно продолжала щелкать наугад по карте Лондона. В игре точно было Сити, но проросшее более высокой и мощной застройкой.

Когда пришло время, Флинн достала из чехла бумажку, движением пальца вывела окно «Милагрос Сольветра» и вбила пароль.

На этот раз она решила при подъеме оглядеться как следует.

Для начала фургон, с которого взлетает коптер. По виду скорее даже бронемашина, чем фургон. Кряжистый, как трицикл Коннера. Взлетная площадка была темная, прямоугольная. Голоса звучали так же настойчиво, как в первый раз, и так же абсолютно неразборчиво.

Время суток то же: сумерки. Облака больше похожи на дождевые, бронзово-черные стены потускнели от конденсата.

Отметила вчерашнюю улицу, подсвеченную снизу и как будто стеклянную. Что там внизу, река?

Поискала глазами машины, нашла три.

Счетчик в левом верхнем углу дисплея показал двадцатый этаж, и голоса смолкли.

Первый раз Флинн заметила серую фигню, когда коптер пролетал мимо двадцать третьего этажа. Что-то серое и сухое на мокром черном фасаде. Цветом как отмершая кожаца от содранного волдыря. Размером и формой с детский рюкзак.

«Рюкзак» остался внизу. Флинн в режиме разведки засекала все в трех направлениях сразу. Черные небоскребы одинаковой высоты, на большом расстоянии один от другого по квадратной сетке над старым городом. Ее небоскреб – явно такой же. Ничего китообразного в небе.

Игры приучили ее обращать внимание на все, что выламывается из общей картины, и Флинн скользнула камерой вниз, пытаясь отыскать «рюкзак». Не нашла.

Он обогнал Флинн в районе тридцать седьмого этажа. В движении эта штука напоминала уже не рюкзак, а яйцевую капсулу почти вымершего животного под названием скат. Флинн как-то видела такую на пляже в Южной Каролине – жутковатый прямоугольный мешок с рожами по углам. Штука кувыркалась по фасаду: цеплялась той парой рожек или ног, которая сейчас была сверху, переворачивалась и подтягивалась на другой паре.

Следя за ней в камеру, Флинн попыталась увеличить скорость подъема, но эта функция еще не включилась. Штука пропала. Может, проникла в дом через какое-нибудь незаметное отверстие. Мейкон как-то печатал пневмоботов, вроде больших пиявок. Они двигались примерно так же, только медленно.

Мама называла яйцевую капсулу ската русалкиным кошельком, но Бертон сказал, местное слово – «чертова торба». Капсула выглядела опасной, ядовитой, хотя на самом деле никому ничего не делала.

Флинн высматривала, не мелькнет ли серая штукавина, до самого пятьдесят шестого этажа, где автоматический подъем прекратился. Вчерашний балкон был откинут. Стекло, как назло, матовое. Гости наверняка разошлись, но хотелось пусть бы только заглянуть внутрь, понять, как там все было. Стрекозок будто ветром сдуло. Флинн быстро облетела дом, надеясь отыскать другое окно. Ни фига. И тоже ни одной стрекозки, как и с фасада.

Назад к матовому окну. Пять минут ожидания – не произойдет ли чего. Еще пять. Новый облет здания. Пар из решетки, которую Флинн раньше не замечала.

Как-то даже скучно без стрекоз.

В нижнем обзоре быстро проехал очень большой автомобиль с единственной фарой.

Окно деполяризовалось, как раз когда Флинн была уже на подлете. Темноволосая женщина что-то говорила невидимому собеседнику.

Флинн остановилась, предоставив гироскопам удерживать коптер на месте.

Никаких следов вечеринки. Комната выглядела совсем другой, как будто роботы-пылесосы устроили серьезную перестановку. Длинный стол исчез, вместо него появились кресла, диван, ковры. Более мягкое освещение.

Женщина, видимо, только что встала. Полосатые пижамные штаны, черная футболка. Прическа «со сна», какой она бывает только на очень хороших волосах.

«Следи за жучками», – напомнила себе Флинн, но их по-прежнему не было.

Женщина рассмеялась – наверное, каким-то словам невидимого собеседника. Интересно, это ее зад прижимался вчера к стеклу? С кем она говорит – с тем мужиком, которому тогда отказала в поцелуе? Может, у них все сладилось и они после удачной вечеринки провели ночь вместе?

Флинн заставила себя еще раз облететь дом, медленно, высматривая стрекоз, беглые рюкзаки, другие неожиданности. Пар больше не шел, решетка исчезла. Такое ощущение, будто дом живой, может, даже разумный. Женщина внутри смеется, высоко в чистом – без единой стрекозы – вечернем воздухе. При этой мысли Флинн ощутила духоту трейлера, взмокшие подмышки.

Заметно стемнело. Так мало огней в городе. И ни одного – в высоких башнях.

Завершая круг, Флинн увидела у окна обоих. Они смотрели наружу, мужчина обнимал женщину за талию. Чуть выше ее ростом, лицо как в рекламе, где не хотят подчеркивать этническую принадлежность, темные волосы, борода, глаза холодные. Женщина заговорила, мужчина ответил, выражение холодности, которое заметила Флинн, исчезло. Женщина явно не успела его увидеть.

На мужчине был коричневый банный халат. «А ты много улыбаешься», – подумала Флинн.

Часть стекла сдвинулась, и одновременно от переднего края балкона пополз вверх тонкий горизонтальный стержень, таща за собой радужную пленку, похожую на мыльный пузырь. Стержень замер, дрожащая пленка превратилась в зеленоватое стекло.

Лицо мужчины напомнило Флинн эсэсовца времен ее работы у Дуайта.

Она трое суток провела на диване у Мэдисона и Дженис, даже в туалет бегала со своим старым телефоном, лишь бы не упустить шанс грохнуть этого типа.

Дженис заваривала ей травяной чай, которым Бертон велел запивать «будильник» – белые таблетки, их тоже дал Бертон. Сказал, из другого округа, там это дело лепят. И еще сказал, никакого кофе.

Эсэсовец на самом деле был флоридским бухгалтером, против которого играл Дуайт. И его еще никто ни разу не убил. Дуайт в боях не участвовал, только передавал приказы нанятых тактиков. Флоридский бухгалтер был сам себе тактик и маньяк-убийца в придачу. Когда он выигрывал (а это происходило почти всегда), Дуайт терял деньги. Такого рода азартные игры запрещены на федеральном уровне, но есть способы обойти закон. Ни Дуайта, ни бухгалтера

выигрыши и проигрыши не колыхали, в смысле денег. Игроки вроде Флинн получали в зависимости от того, сколько противников уложат и сколько продержатся живыми в конкретной кампании.

У Флинн было чувство, что бухгалтеру нравилось их убивать, потому что они реально теряли. Не потому, что он круче, а потому, что им правда от этого плохо. Бойцы ее подразделения кормили детей тем, что получали от игры, Флинн платила за мамины лекарства. У многих не было другого заработка. Сейчас он снова перебил всех в ее подразделении, одного за другим, с кайфом, не торопясь, и теперь охотился на Флинн, пока она кружила по французскому лесу в снегопад, забираясь все глубже и глубже.

Потом Мэдисон вызвал Бертона, Бертон сел на диван рядом с Флинн, понаблюдал за ее игрой и сказал, как ему это все видится. Что эсэсовец, который ее выслеживает, все воспринимает неправильно. На самом деле это она его выслеживает. Или будет выслеживать, как только просечет, что к чему. Эсэсовец не просечет точно, он без оглядки прет по ложному пути. И еще Бертон сказал, что покажет Флинн, как это увидеть, только надо, чтобы она не спала. Он дал Дженис «будильник» и набросал на салфетке расписание приема. Бухгалтер во Флориде будет спать, оставляя своего персонажа на очень хороший ИИ, а Флинн – не будет.

Итак, Дженис давала ей «будильник» по расписанию на салфетке, а Бертон приходил по какому-то собственному расписанию, садился рядом и объяснял, как ему это видится. Иногда, пока он следил за игрой, Флинн чувствовала его дрожь, тот самый сбой гаптики. Бертон помогал ей нащупать собственное зрение – не научиться, сказал он, потому что этому научиться нельзя, а просто войти в воронку, которая с каждым кругом все уже, а ты видишь все четче. И так вниз, вниз, до того самого выстрела через поляну, когда внезапный туман брызнувшей сквозь метель распыленной крови стал коэффициентом, с которым уравнение сошлось.

Она тогда была на диване одна. Дженис услышала ее крик.

У Флинн еще хватило сил выйти на улицу, прежде чем ее вырвало чаем. Она тряслась и плакала, пока Дженис умывала ей лицо. Дуайт отвалил тогда чертову уйму денег. Однако Флинн больше не ходила для него в разведку и вообще не ступала ногой в заснеженную военную Францию.

Так почему она вспомнила это сейчас, глядя, как мужчина с бородкой привлекает женщину ближе к себе? Почему, облетая здание, поднялась до пятидесят седьмого и вернулась обратным ходом?

Почему, если это не шутер, она снова Легкий Лед с головы до кончиков пальцев?

14. Траурный гагат

Тлен, белая как мел, оттянула нижнее веко на левом глазу Недертон. Рука у нее была черной от татуировок – буйство рогов и крыльев, все птицы и звери антропоценового вымирания, штриховой рисунок, трогательный в своей выразительной простоте. Недертон знал, кто она, но не знал, где находится.

Она склонилась над ним, глядя почти в упор. Он лежал на чем-то плоском, холодном и очень твердом. Ее шею охватывало черное кружево – той черноты, которая поглощает свет, – застегнутое камеей с черепом.

– Что вы делали в сухопутной яхте Зубова-деда?

Зрачки в ее серых глазах были двойные, один над другим, маленькие черные восьмерки, – манерность, которую он ненавидел всеми фибрами души.

– И зачем выпили самый старый виски мистера Зубова, который я собственноручно законсервировал инертным газом? – произнес за ее спиной Оссиан. Было отчетливо слышно, как хрустнули его пальцы. – «Лишь пинта портера твой друг»¹, ведь я же вам говорил, мистер Недертон?

Ирландец и впрямь частенько повторял эту фразу, хотя сейчас Недертон решительно не мог понять, к чему она относится.

Оссиан принадлежал к типу дворецкого-громилы: накачанные плечи и ляжки, темная косичка, перевязанная черной лентой. Техник, как и Тлен. Они были партнеры, но не в сексуальном смысле. Обслуживали хобби Льва, приглядывали за его полтерами. А значит, должны были знать про Даэдру и Аэлигу.

Насчет виски Оссиан попал в точку: неэтаноловые компоненты в темных напитках. Следы, но способны вызвать тяжелое похмелье. Собственно, и вызвали.

Тлен отпустила его нижнее веко. Изображения животных, напуганные резким движением, вбежали по руке к белому плечу и пропали. Недертон отметил, что ноготь у нее ярко-зеленый и обломан по краям. Тлен что-то сказала Оссиану – обрывок фразы, похожей на итальянскую. Оссиан ответил на том же языке.

– Это невежливо, – заметил Недертон.

– Когда мы говорим между собой, шифрование обязательно, – ответила Тлен.

Их шифр менялся поминутно, чтобы не порождать фрагментов, достаточных для взлома: фраза, звучащая вначале как испанская, перетекала в псевдонемецкую. Не человеческая речь, а птичье чириканье, которое Недертону было сейчас еще отвратительнее речи. На каком бы языке ни говорила Тлен, Оссиан ее понимал, и наоборот.

Светлый деревянный потолок был покрыт глянцевым лаком. Где это? Повернув голову набок, Недертон понял, что лежит на полированном черном мраморе с толстыми золотыми прожилками. Сейчас мрамор как раз начал подниматься, потом остановился. Оссиан мощными руками схватил Недертон за плечи и перевел в сидячее положение.

– Держитесь крепче, любезный, – сказал Оссиан. – Завалитесь назад – раскроите себе череп.

Недертон заморгал. Он видел, что сидит на краю черного мраморного стола, но и стол, и помещение выглядели совершенно незнакомыми. Где это, в Ноттинг-Хилле? Он и не знал, что у Льва в доме есть такие маленькие комнаты. А уж тем более в подвале. Стены были того же цвета светлого шпона, что и потолок. Тлен что-то вынула из сумочки: пластмассовую треугольную пластинку, бледно-зеленую и матово-прозрачную, вроде окатанного морем стеклышка.

¹ Рефрен из стихотворения «Друг рабочего», фигурирующего в романе «О водоплавающих» (*At Swim-Two-Birds*, 1939) ирландского писателя Флэнна О'Брайена (1911–1966).

Как во всех вещах Тлен, была в этой пластинке какая-то нарочитая затертость. Тлен прилепнула ее к правому запястью Недертон с внутренней стороны. Тот нахмурился, почувствовав, как мягкий треугольник закопошился, бескровно проталкивая невообразимо тонкие щупальца между клетками его кожи. Двойные зрачки Тлен задвигались, читая видимые лишь ей показания.

– Он кое-что вам вводит, – сказала она. – Но алкоголя при этом нельзя нисколько. И впредь не берите спиртное из машин.

Недертон мысленно отметил сложную текстуру ее бюстье, которое видом напоминало микроминиатюрную модель чугунного свода над викторианским вокзалом – бесчисленные просветы словно подернуты дымом крошечных паровозиков, – однако эластично растягивалось при каждом ее вдохе. Вернее, отметил, что зрение обретает четкость, – спасибо «медици» с его все более приятными манипуляциями.

– Мистер Зубов, – сказал Оссиан (имелся в виду отец Льва) и кашлянул в кулак, – может в любой миг затребовать родительскую сухопутную яхту.

И чего он привязался? Лев не станет переживать из-за одной-единственной бутылки, пусть даже очень старой.

«Медици» отцепился, и Тлен убрала его назад в сумочку, расшитую – как Недертон заметил только сейчас – бусинами траурного гагата.

Он резко встал. Недоумение полностью рассеялось. Они в сухопутной яхте «мерседес», которую дед Льва заказал для поездки по монгольским пустыням. В ричмондском доме она не помещалась, поэтому Лев держал ее здесь. Бутылка из-под виски, вспомнил Недертон, в туалете, где-то справа. Впрочем, это Оссиан и Тлен наверняка знают и без него. Может, надо поставить себе этот, как он называется... от похмелья.

– И не думайте, – отрезала Тлен, словно читая его мысли. – Больше месяца-двух не проживете.

– Вы ужасно мрачная, – сказал Недертон и тут же улыбнулся, поскольку она и впрямь была такая.

Нарочито мрачная. Волосы той же наночерноты, что кружева на шее, бюстье из залитого дождем стекла и чугуна, расплывчатого, будто смотришь в подзорную трубу с другого конца, многослойная юбка – словно более длинная и темная версия балетной пачки главного мусорщика. А теперь еще штриховой рисунок одинокого альбатроса, медленно, словно вдалеке, кружащего по ее белому горлу.

Недертон вновь оглядел стол, на котором спал, пока тот был утоплен в полу. Теперь здесь можно было бы позавтракать, сыграть в бридж или разложить карту Монголии. Интересно, осуществил ли дед Льва задуманную поездку? Он вспомнил, как смеялся над вульгарностью того, что Лев называл «гобивагеном», – в тот единственный раз, когда показывал ему яхту. Тогда-то Недертон и приметил в ней основательный запас спиртного.

– Теперь будет под замком, – сказал Оссиан, демонстрируя собственную степень телепатии.

– Где вы были? – Недертон перевел взгляд с Оссиана на Тлен, словно подразумевая нечто недолжное. – Я спустился сюда, чтобы вас найти.

Оссиан поднял брови:

– Вы рассчитывали обнаружить нас здесь?

– Я был вымотан, – сказал Недертон. – Нуждался в подкреплении.

– Устали. Эмоционально, – заметил Оссиан.

Появилась эмблема Льва:

– Полагаю, шестнадцать часов довольно, чтобы проспаться? Жду тебя на кухне. Прямо сейчас.

Эмблема исчезла.

Тлен и Оссиан, не слышавшие ни слова из того, что сказал Лев, сурово смотрели на Недертон.

– Спасибо за помощь, – сказал он Тлен и по трапу спустился в подводную биолюминисценцию гаража: низких широких арок с уходящими вдаль автомобилями.

Чувствуя движения Недертон, живое покрытие арки прямо над ним сделалось ярче. Он обернулся на выпуклый борт автомобиля. Оссиан по-прежнему следил за ним из наблюдательного отсека, самодовольно ухмыляясь.

Покуда Недертон шел к лифту вдоль бесконечного ряда машин, свет провожал его: фотофоры на арке позади темнели, на следующей разгорались.

15. Ничего хорошего

В прошлый Хеллоуин Леон сделал из тыквы лицо президента Гонсалес. Флинн не нашла сходства, но и ничего расистского не обнаружила, так что оставила тыкву на крыльце. За ночь кто-то погрыз ее изнутри и оставил мелкие катышки помета. Крыса или белка. Флинн еще тогда хотела выбросить тыкву в компост, но забыла и на следующий день увидела, что лицо президента ввалилось: вся мякоть была выгрызена, осталась сморщенная оранжевая кожица и свежий помет. Флинн надела резиновые перчатки, в которых чистила унитаз, и отнесла тыкву на компостную кучу, где скукоженное оранжевое лицо становилось все уродливее и уродливее, пока не исчезло совсем.

Она не думала об этом сейчас, висая в колыбельке гироскопических стабилизаторов и глядя, как дышит серая штуковина.

Только теперь штуковина из серой стала бронзово-черной. Она распласталась прямоугольником, но весь фасад пятьдесят седьмого этажа был запотевшим, в капельках и струйках воды. Штуковина – совершенно сухая – отстояла от стены на ширину ладони, цепляясь ножками, которые теперь превратились в подобие кронштейнов. Точно над серединой откидного балкона.

И дышала.

В темной духоте трейлера Флинн рукой вытерла со лба пот, но все равно часть затекла в глаза, их защищало.

Подвела коптер ближе к штуковине. Увидела, как та выгнулась и вновь стала плоской.

Флинн лишь в общих чертах представляла себе, чем управляет. Квадрокоптером, да, но вот четыре его винта – открытые или в кожухах? Если бы она хоть раз увидела свое отражение в стекле, то знала бы, так ведь нет же! Хотелось подобраться ближе, – может, удастся получить стоп-кадр, как когда она упала на стрекозку. Но если винты открытые и один из них заденет штуковину, коптер упадет.

Вдоль средней вертикальной линии штуковины появилось вздутие, светлее, чем остальное тело.

Внизу, под Флинн, мужчина и женщина вышли на балкон. Руки женщины лежали на горизонтальном стержне. Мужчина стоял сзади. Возможно, обнимал ее за талию.

Выпуклость немного втянулась. Флинн подлетела еще чуточку ближе.

Штуковина лопнула по вертикальному шву, бледные края щели немного закручивались внутрь. Что-то маленькое вылетело наружу, исчезло. И тут же что-то царапнуло камеру, какая-то мохнатая серая запятая. Еще раз. Будто комар с микроскопической циркулярной пилой. Или алмазный резец. Чиркнуло еще два раза, стремительно, как скорпионий хвост. Пытается ее ослепить.

Флинн быстро отлетела назад и вверх. «Комар» по-прежнему бился в объектив. Камнем упала вниз – на три этажа сразу – и только здесь позволила гироскопам стабилизировать коптер.

«Комар» вроде бы исчез. Камера была поцарапана, но работала.

Резко влево.

Резко вверх. Пролетая мимо пятьдесят шестого, увидела, как мужчина взял ладони женщины, поднял и закрыл ей глаза. С пятьдесят седьмого – как он целует ее в ухо, что-то говорит. Наверняка: «Сюрприз!» Отступил назад, повернулся.

«Нет!» – выкрикнула Флинн, потому что серая штуковина вновь раскрылась и перед щелью закружился рой гнуса. Мужчина глянул вверх, на штуковину. Знал, что она должна там быть. Не удивился, не посмотрел внимательнее, только занес ногу, чтобы шагнуть в комнату.

Флинн направила коптер ему в голову.

Она уже полупривстала в кресле, когда мужчина увидел коптер и бросился на пол, в последний момент спружинив руками.

Наверное, он вскрикнул, потому что женщина обернулась, отняла руки от лица и открыла рот. Что-то залетело в ее разомкнутые губы. Женщина замерла. Это выглядело как гаптический глюк у Бертона.

Мужчина вскочил, толкнувшись, словно бегун со стартовых колодок. Миг – и дверь в окне задвинулась за ним, вернее, просто исчезла. Осталось сплошное стекло, которое тут же поляризовалось.

Женщина даже не вздрогнула, когда что-то крохотное пробурилось через ее щеку наружу, оставив капельку крови. Все новые мошки выскакивали из щели с бледными краями и залетали в открытый рот женщины. Ее лоб ввалился, как у Леоновой тыквы в компостной куче – дни, недели в считанные минуты, словно при покадровой съемке в ускоренной перемотке. Блестящая стальная планка перил начала втягиваться в зеленое стекло, которое уже было не стеклом, а мыльной пленкой. Потеряв опору, женщина рухнула с балкона, руки и ноги выброшены в стороны под нечеловеческими углами. Флинн устремила за ней.

Крови, кажется, больше не было, только кувыркающееся тело в черной футболке и полосатых пижамных штанах. С каждым сантиметром оно съеживалось, так что к тридцать седьмому этажу, где Флинн впервые увидела серую штукювину, остались лишь две плещущие на ветру тряпки, одна черная, другая полосатая.

Перед двадцатым этажом Флинн вспомнила голоса и остановила спуск. Повисела немного на стабилизаторах, охваченная горечью и отвращением.

– Всего лишь игра, – сказала она себе в душной темноте трейлера. Щеки были липкие от слез.

Потом, чувствуя себя несчастной и опустошенной, двинулась вверх. Глядя на скользящую перед камерой черную бронзу, не давая себе труда осмотреть город. В жопу. Ну их всех в жопу.

Окна на пятьдесят шестом уже не было, балкон сложился и закрыл его. А вот папарацци вернулись, прозрачные капельки их камер смотрели в сторону бывшего окна. Флинн не стала их разгонять.

– Вот почему у нас никогда не бывает ничего хорошего, – услышала она собственный голос в трейлере.

16. Лего

– Пятнадцать минут, – говорил Лев, взбивая омлет на огромной, больше квадроициклов, висящих на кран-балках за кормой дедушкиного «мерседеса», французской плите. – Из которых десять уйдет на чтение их клиентского соглашения. Это здесь, в Патни.

Недертон сидел на том же стуле, что в прошлый раз. Окна в сад были темны.

– Ты шутишь, – сказал он.

– Антон это сделал.

У обоих старших братьев Льва рожи были бандитские, но у Антона – больше.

– С чем я его и поздравляю.

– У него не было выбора, – сказал Лев. – Отец принял оперативные меры.

– Никогда не думал, что у Антона проблемы с алкоголем, – заметил Недертон таким тоном, будто привык объективно судить на такие темы.

Он наблюдал за двумя детальками лего, красной и желтой, между блюдом с апельсинами и перцемолкой от Филиппа Старка². Сейчас оба кубика начали округляться в шарики.

– Уже нет. – Лев перенес присыпанный луком омлет на две белые тарелки и положил на каждую по половинке согретого тушеного помидора. – Там был не только алкоголизм. Еще неуравновешенность характера на фоне психологической расторможенности.

– Но я же вроде видел, как он выпивает? Здесь, недавно?

Недертон был уверен, что видел, несмотря на то что всегда старался сбежать при появлении любого из братьев. Детальки лего, теперь уже идеально сферические, медленно покатались к нему по старой дубовой столешнице.

– Разумеется, – ответил Лев, чистой стальной лопаткой поправляя омлеты на тарелках. – Мы же не в Средневековье живем. Но всегда в меру. Не до опьянения. За этим следят ламинаты. Они совершенно иначе метаболизируют спирт. Плюс модуль когнитивной терапии. В итоге у него все хорошо.

Лев подошел к столу, держа по тарелке в каждой руке:

– Уилф, «медици» Тлен говорит, что твои дела нехороши. Очень нехороши.

Он поставил одну тарелку перед Недертном, другую напротив и сел за стол.

– А Доминика разве не придет к столу? – спросил Недертон, рефлекторно пытаясь сменить тему.

Детальки лего, по-прежнему сферические, бок о бок лежали перед его тарелкой.

– Отец четко дал понять, что лишит Антона наследства, если тот откажется от лечения, – продолжал Лев, не обращая внимания на вопрос.

– Гордон хочет войти, – сказал Недертон. Он только сейчас заметил тилацина за темной стеклянной дверью.

– Тиенна, – поправил Лев, глянув на зверя. – Ей нельзя в кухню, пока мы едим.

Недертон украдкой толкнул красное лего на пол. Оно дзынькнуло обо что-то и покатилося.

– Гиена? – спросил он.

– «Медици» Тлен не нравится твоя печень.

– Омлет выглядит очень аппетитно.

– Ламинаты, – ровным голосом произнес Лев, глядя Недертону в глаза. Толстая черная оправа еще подчеркивала его серьезность. – И модуль когнитивной терапии. В противном случае, боюсь, твой нынешний визит будет последним.

² *Филипп Старк* (р. 1949) – известный французский дизайнер и большой любитель фантастики: в названиях его работ использованы имена героев Филиппа К. Дика.

Чертова Доминика. Это все из-за нее. Наверняка из-за нее. Лев никогда таким не был. Желтое лого вновь приняло прямоугольную форму и теперь лежало неподвижно. Прикидывалось пайнкой.

Лев поднял глаза, повел ими в сторону.

– Извини меня, я должен ответить, – это адресовалось Уилфу. – Да?

Он указал на омлет – ешь, мол. Потом коротко что-то спросил по-русски.

Недертон развернул прохладную плотную салфетку, достал вилку и нож. Он будет есть омлет с тушеным помидором в точности как здоровый, спокойный, ответственный человек. Меньше всего на свете ему сейчас хотелось омлета и тушеных помидоров.

Лев нахмурился и снова заговорил по-русски. В конце фразы прозвучало: «Аэлита». Он действительно ее упомянул или это какое-то похожее русское слово? Затем вопрос, тоже по-русски, и да, последним точно было ее имя.

– Да, – сказал Лев. – Очень.

Ногтем указательного пальца он почесал левое крыло носа – Недертон знал за ним такой жест сосредоточенности. Еще вопрос по-русски. Недертон обреченно отправил в рот кусок омлета. Никакого вкуса. Тилацина за дверью уже не было. Они всегда так исчезали: только что здесь – и вот уже нет.

– Странно, – сказал Лев.

– Кто звонил?

– Моя секретарша и один из наших охранных модулей.

– А что случилось?

Пожалуйста, взмолился Недертон к равнодушному мирозданию, пусть для Льва это окажется важно. Пусть он отвлечется от исправительной клиники в Патни.

– Секретарша Аэлиты Уэст только что отменила ленч. Завтра на Стрэнде. Я забронировал столик в индийском ресторане. Она хотела больше узнать про своего полтера. Твой подарок.

Недертон заставил себя съесть еще крошку омлета.

– Лонпол слушал разговор моей секретарши с Аэлитиной. Мы под колпаком.

– Полицейские? Серьезно? А как она поняла?

– Да где ей, глупой девочке, – сказал Лев. (Недертона всегда раздражало, когда люди говорят о своих программах как о живых людях.) – Понял модуль.

Недертону подумалось, что жизнь клептархических семейств опутана бесчисленными нудными сложностями, однако он оставил эту мысль при себе.

– Охранный модуль интерпретировал слежку как относящуюся к очень недавнему событию.

– Откуда он знает?

– Цель слежки неизбежно проявится в каких-то ее особенностях. Наш модуль умнее полицейского. По характеристикам прослушки можно предположить, что именно расследует Лонпол.

Недертон так радовался внезапному избавлению, что почти не слушал Льва, и только сейчас сообразил: если не поддержать разговор, тема Патни может всплыть снова.

– Так что же он расследует?

– Серьезное преступление, считает наш модуль. Возможно, похищение. Или даже убийство.

– Аэлиты?

Мысль показалась Недертону совершенно абсурдной.

– Ничего пока не ясно. Мы изучаем вопрос. У нее был прием накануне вечером. Пока ты мертвецки спал.

– Ты следил за ней?

– Охранный модуль после звонка ее секретарши провел ретроспективный анализ.

– И что за прием?

– Культурное мероприятие. Околоправительственное. Кстати, изначально задумывалось по поводу твоего проекта. Отметить успех. Когда Даэдра устроила там мясорубку, Аэлита не стала отменять прием, а как-то переиграла повод. Как именно – неизвестно. Секретность там на уровне.

– И где был прием?

– В резиденции Аэлиты. Жилой комплекс «Парадиз». – Зрачки у Льва двигались: он что-то читал. – Ей там принадлежат этажи с пятьдесят пятого по пятьдесят седьмой. Даэдра присутствовала.

– Вот как? У тебя там кто-то был?

– Нет, но наши модули чуть умнее Аэлитиных. Ешь.

Лев аккуратно нагрузил на вилку омлет с помидором и почти донес их до рта, но внезапно замер и нахмурился:

– Да? – Он опустил вилку. – Не то чтобы такая возможность полностью исключалась, хотя бы на уровне слухов. Я скоро приду.

– Секретарша? – спросил Недертон.

– Тлен. Говорит, кто-то еще контактирует с нашим срезом. И это как-то связано с твоим полтером.

– Кто контактирует?

– Понятия не имею. Скоро все узнаем. – И Лев принялся за омлет.

Недертон последовал его примеру и – то ли какое-то долговременное действие «медици» так сказалось, то ли временное избавление от Патни и печеночной ламинации – почувствовал, что омлет и помидор обрели вкус.

Красное леги, круглое, медленно выкатилось из-за блюда с апельсинами и, тихонько шелкнув, уже в виде кирпичика воссоединилось с желтым собратом. Недертон гадал, какую форму оно приняло, чтобы вскарабкаться по ножке стола.

17. Тополя

Зря она вернулась в «Джиммис». Флинн поняла это, как только с порога окунулась в темноту, запах пива, легальной травки и самосада. Бык, высунувшись из зеркала, глазел на девчужку лет, наверное, четырнадцати. Диоды мигали под музон, который Флинн слышала первый раз и надеялась больше не услышать. Она чувствовала себя последним старьем в кафешке – старше допотопной мебели и стен. По-прежнему в доморощенной форме охранника. И она не нашла Мейкона с того края стоянки, где тусовались черные ребята и где он толкал леваки. Флинн думала спросить, что будет, если телик засветился у безбашей. А может, просто надеялась с кем-нибудь поговорить. Сэндвич, приготовленный на после смены, ей не зашел, и вообще чувство было такое, что она уже никогда в жизни не сможет есть.

А все та пакость в игре. Уродская игра. Все игры уродские. Отчего, отчего их делают такими блевотными?

Флинн взяла пиво. Ее телик дзинькнул: «Джиммис» записал бутылку в кредит. Нашла круглый угловой столик, невытертый, но, по счастью, пустой, и села, показывая всем видом: да, я мерзкая старушенция. У девушки, отпускаявшей пиво, была в глазнице виза, как у Мейкона и Эдварда, – серебристая паутинка, через которую видишь глаз, наблюдающий то, что транслируют нанизанные на нее элементы. В «Мегамарте» тебе сканируют глазницу и фэбят визу точно по ее форме, а левые еще не появились. На черной коже смотрится лучше, подумала Флинн, но в «Джиммис» они были на всех, и от этого – а особенно оттого, что находила их вид немного идиотичным, – она еще сильнее чувствовала себя старухой. Каждый год что-нибудь такое возникает.

– Посылалки не хватает посылать лесом все, что надо бы? – сказала Дженис, возникая из толпы. В руке у нее тоже было пиво.

– Есть отчасти, – согласилась Флинн, уже не чувствуя себя последним старьем.

Она машинально обвела взглядом забегаловку: Дженис и Мэдисон редко бывали порознь. Мэдисон сидел за столиком с двумя ребятами, у каждого на глазу серебрилась виза. Он походил на Тедди Рузвельта. Практически только это Флинн о Тедди Рузвельте и знала – что Мэдисон на него похож. Он носил усы, которые подстригал, но никогда не сбрасывал, круглые очки в тонкой титановой оправе и темно-зеленый разгрузочный жилет. Сукно жилета поела моль, сложные нагрудные карманы щетинились пишущими ручками и фонариками.

– Хочешь выпить в компании?

– В твоей – да, – ответила Флинн. Дженис всегда ей нравилась.

Дженис села. Как иногда бывает у женатых пар, они с Мэдисоном чем дальше, тем больше походили друг на друга. Дженис носила такие же очки в тонкой оправе, усов, правда, не отрастила. Они запросто могли поменяться одеждой, никто бы и не заметил. Сейчас на ней были камуфляжные штаны, почти наверняка его.

– Что-то у тебя вид невеселый.

– А мне и невесело. Волнуюсь из-за Бертона. Полез в драку с луканами, угодил в безовку. Никаких обвинений, просто задержали для общественного порядка.

– Знаю. Леон сказал Мэдисону.

– Он тут нашел халтурку, – продолжала Флинн, радуясь, что музыка заглушает ее слова от посторонних, и зная, что Дженис поймет про риск лишиться пенсии. – Я его подменяла.

Дженис подняла одну бровь:

– Не понравилось? А что это?

– Бета-тестинг какой-то извратной игрушки. Про маньяков или в таком роде.

– А ты играла во что-нибудь после того раза у нас дома? – Дженис пристально ее разглядывала.

– Только в эту. Дважды. – Флинн опять сделалось неудобно, но уже иначе. – Ты Мейкона видела?

– Он был здесь. Мэдисон с ним разговаривал.

– Вы тут часто бываете, ты и Мэдисон?

– А что, это на нас похоже?

– Такие все, блин, молодые.

– А мы не были молодые, когда сюда ходили? По крайней мере ты. Маленькая сестренка Бертона, – улыбнулась Дженис.

Песня закончилась, и со стороны парковки донеслось громовое тархтенье мотоциклетного мотора.

– Коннер, – сказала Дженис. – Паршиво. Затеял разборку с теми парнями.

У Флинн на миг мелькнуло неприятное чувство, будто вернулись школьные годы. Она проследила взгляд Дженис. Пять амбалов с обесцвеченными волосами за столиком, уставленным пивными бутылками. Не баскетболисты, слишком квадратные. Наверное, американский футбол. Ни у одного не было визы. Двое встали, взяли за горлышко по пустой бутылке в каждую руку и направились к выходу.

– Он был здесь с час назад, – добавила Дженис. – Пил на парковке. Нельзя ему пить – с таблетками выходит адская смесь. Один из тех ребят что-то сказал. Мэдисон вмешался, так что до драки не дошло. Коннер уехал.

Снаружи донесся звон бьющегося стекла. Заиграла следующая песня. Флинн встала и пошла к двери, думая про себя, что эта песня нравится ей еще меньше предыдущей.

Двое футболистов стояли на крыльце, и сейчас стало видно, насколько они пьяны. Фонари на тонких шестах ярко освещали «тарантул» в центре гравийной площадки, тархтевший и трясающийся, вонявший на всю парковку вторичным жиром. Голова Коннера торчала вперед под всегдашним мучительным углом, один глаз был скрыт за чем-то вроде монокля.

– Вали в жопу, Пенске! – крикнул футболист почти веселым от пьяного куража голосом и запустил вторую бутылку. Она разбилась о лобовое стекло трицикла; осколки брызнули в сторону, не задев Коннера.

Тот улыбнулся и чуть мотнул головой. Что-то качнулось над «тарантулом», выше трех высоких шин, между которыми полулежал обрубок, оставшийся от тела Коннера.

Флинн прошла между футболистами, спустилась по ступенькам на гравий. Парни умолкли – она была старше их, незнакомая, с ног до головы в черном. Коннер увидел ее. Снова шевельнул головой. Флинн слышала, как хрустит под ногами, как бьются мошки о фонари, хотя непонятно, как можно было что-то различить за оглушительным тархтеньем.

Совсем близко подходить не стала: Коннеру бы пришлось тянуть шею, чтобы смотреть ей в лицо.

– Флинн, сестра Бертона, – сказала она.

Взгляд через монокль, улыбка.

– Клевая сестренка, – процедил Коннер.

Флинн подняла взгляд и увидела тонкий членистый скорпионий хвост, управляемый моноклем. Видимо, Коннер нарочно выкрасил его в черный цвет для незаметности. Флинн не могла разглядеть, что на конце. Что-то маленькое.

– Не связывайся, Коннер. Езжай домой.

Он что-то тронул подбородком на приборной панели. Монокль отшелкнулся, словно открылся маленький люк.

– Ты уйдешь с моей дороги, клевая сестренка Бертона?

– Нет.

Коннер извернулся, потер глаз двупалой рукой:

– Я мудака, да?

– Да в этом городе все мудаки. У тебя хоть оправдание есть. Езжай домой. Бертон уже в пути, вернется – зайдет к тебе.

Говоря, Флинн как будто видела все со стороны: себя на сером гравии перед «Джиммис», высокие старые тополя по обе стороны парковки – старше ее матери, старше всех. Парня, который наполовину машина, человеко-мотоциклетный кентавр. Который чуть было не убил сейчас другого парня или парней – и, может, еще убьет.

Она обернулась и увидела, что Мэдисон теснит футболиста, швырявшего бутылки. Титановые очки были перед самым лицом парня, и тот отступал, чтобы авторучки и фонарики из тедди-рузвельтовской разгрузки не ткнули ему в грудь. Флинн снова поглядела на Коннера:

– Не стоят они того, Коннер. Езжай домой.

Коннер криво ухмыльнулся.

– Гребись все конем, – сказал он и что-то нажал подбородком.

«Тарантул» взревел. Однако, стартуя в поворот, Коннер постарался не обдать Флинн гравием.

С крыльца донеслись пьяные возгласы торжества.

Флинн бросила недопитую бутылку на гравий и, не оборачиваясь, пошла к велосипеду.

18. Клуб Всевышнего

Недертон заранее угадал, что закуток, который Тлен выгородила себе досками и холстиной в самом дальнем, самом маленьком углу подземного гаража, разозлит его своими декадентскими вывертами. Так и оказалось. Бесили не столько ненужная теснота и убранство аля богемный вариант бара «Менады», сколько то, что ее дисплей старательно маскировался подо что-то совершенно иное. И вообще, все, что она собиралась им показать, можно было транслировать, не дергая их со Львом сюда.

Полированные шары из сложных кристаллических сростков вроде агата были вмонтированы в ржавый химический прибор (Тлен похвасталась, что купила его у кокни, которые вылавливают из Темзы такого рода металлолом). И она заварила исключительно мерзостный чай в тончайших фарфоровых пиалах, наводивших на мысль, что в них нальют какую-нибудь полынную водку, так нет же. Прижатый к Льву за низким резным столиком, Недертон чувствовал себя в древней телефонной будке, переоборудованной для спиритических сеансов.

Теперь Тлен выбирала из замшевого мешочка кольца и наперстки – интерфейс, который нормальные люди вживляют под кожу перманентно и незаметно. У Тлен это были ржавые магические железяки вымышленных королей, утыканные тусклыми окатышами, причем камешки еще светились и гасли под ее белыми пальцами.

Чай отдавал горелым. Не то что его правда сожгли, просто чувствовался едва уловимый привкус. Занавеси, тяжелые, как в баре «Менады», из облысевшего бархата, были закапаны свечным воском, талибский ковер на полу выщел так, что традиционное чередование орнаментальных танков и вертолетов превратилось в бесцветный абстрактный узор.

Тлен надела на указательный палец правой руки бурый угловатый перстень; по тыльной стороне ее левой ладони взволнованно метнулось изображение геккона. Животные были не в масштабе, вернее, выглядели будто с разного расстояния. Недертон предполагал, что поэтому невозможно увидеть слона и геккона одновременно. Судя по всему, татуировки жили автономно и Тлен не могла ими управлять.

Она надела четыре кольца и два черненых серебряных наперстка, затем сплела пальцы, спугнув геккона, и сказала:

– Первым делом они дали объявление о найме.

– Кто «они»? – спросил Недертон, не пытаясь скрыть раздражение.

– Не знаю. – Тлен сложила указательные пальцы шалашиком. – Сервер можно считать платонической идеей черного ящика. В визуализации они возникают прямо перед нами, но это чрезмерное упрощение.

Недертон порадовался, что она хотя бы не назвала дисплей магическим кристаллом.

– О найме кого? – спросил Лев.

– Человека, готового выполнить неназванную задачу, связанную с применением насилия. Объявление размещено на форуме в даркнете, то есть на рынке криминальных услуг. Мы имеем доступ ко всем их сетям, поскольку наши компьютеры куда более быстродействующие. Предлагают восемь миллионов, – по мнению Оссиана, это значит, что речь идет об убийстве.

– Сумма реалистичная? – спросил Лев.

– Оссиан считает, что да. Не настолько большая по меркам конкретного форума, чтобы привлечь внимание правительственных агентов, а они там, без сомнения, присутствуют, но и не слишком маленькая – дилетанты не набегут. Соискатель появился почти сразу, после этого объявление сняли.

– Кто-то откликнулся на объявление «ищем убийцу»? – изумился Недертон; Лев и Тлен обменялись взглядами. – Если их сети для вас прозрачны, почему мы знаем так мало?

– Некоторые традиционные методы шифрования и сейчас чрезвычайно трудно взломать, – ответил Лев. – Наша охранная система, вероятно, справилась бы, но я семью в эту историю не посвящал и не собираюсь.

Тлен расплела пальцы, провела кольцами и наперстками между шарами – примерно такой пантомимы Недертон и ждал. Шары засветились, увеличились, стали прозрачными. Сквозь миниатюрные туманности зазмеились две тонкие, как ниточки, молнии, замерли.

– Мы – синие, они – красные, – сказала Тлен.

Из чернильного облака стугустилась синяя ломаная линия, рядом алая. Они бок о бок бежали среди медлительных, чуть светящихся скоплений темноты.

– А может, просто китайцы вас разыгрывают, пользуясь превосходством своих компьютеров, – сказал Недертон. Именно эту догадку первым делом высказала Даэдра.

– Не исключено, – ответил Лев, – однако такие шутки не в их характере.

– А такое случалось раньше? – спросил Недертон. – Кто-нибудь проникал в чужой срез?

– Слухи ходили, – сказал Лев. – Учítывая, что мы не знаем, где сервер, как работает и уж тем более кому принадлежит, загадка сторонних проникновений – наименьшая.

– Мифы и легенды континуумистов, – добавила Тлен.

– А как ты вообще этим занялся? – спросил Недертон.

– Через лос-анджелесского родственника. Новый человек может попасть в систему только по приглашению: кто-то должен рассказать ему про сервер, ввести в курс дела.

– А почему до сих пор нет широкой огласки?

– Когда ты в это включился, – ответил Лев, – тебе уже не хочется никого посвящать.

– Почему?

– Клуб Всевышнего, – вставила Тлен.

Лев поморщился, но промолчал.

– Каждый раз, когда мы взаимодействуем со срезом, мы бесповоротно меняем в нем всё, все далекоидущие последствия, – продолжала Тлен.

В одном из шаров сфокусировалось неподвижное изображение: темноволосый молодой человек на фоне чего-то вроде координатной сетки.

– Бертон Фишер, – пояснила Тлен.

– Кто он? – спросил Недертон.

– Твой полтер, – ответил Лев.

– Наши гости наняли кого-то его разыскать, – сказала Тлен. – И, как полагает Оссиан, убить.

Лев почесал нос и добавил:

– Он был на дежурстве во время приема у Аэлиты.

– После, – уточнила Тлен. – Ваши модули датируют время неизвестного события вечером после приема. Тогда полтер и заступил на дежурство.

– Они хотят убить давно умершего человека в прошлом, которое уже и не наше прошлое? Зачем? – спросил Недертон. – Ты говорил, ничто там на нас не влияет.

– Информация течет в обе стороны, – объяснил Лев. – Очевидно, они убеждены, что он обладает некими сведениями, которые могут им повредить, если станут известны здесь.

Недертон взглянул на Льва и внезапно увидел в нем клептарха: клептарха в просвещенном младшем сыне, любящем отце, тилацинаналоговладельце. Что-то твердое и ясное, как стекло. И такое же простое. Хотя, по правде сказать, чувствовалось, что во Льве этого не много.

– Быть может, он что-то видел, – проговорила Тлен. – Я звоню, он не берет трубку.

– Вы ему звоните? – изумился Недертон.

– И шлю эсэмэски, – ответила Тлен, глядя на свои наперстки и кольца. – А он не отвечает.

19. Бирюзовый скотч

Дрон был размером чуть поменьше воробья, с одним ротором. Он летел над Флинн, и под фонарем на прямом отрезке Портер-роуд она разглядела у него на боку квадратик бирюзового скотча.

Леон купил на толкучке целый моток этого скотча примерно в то же время, когда Бертон перебрался в трейлер. Никто из них прежде не видел клейкой ленты такого цвета. Потом Леон и Бертон долго помечали ею свои игровые дроны. Флинн не думала, что они сейчас играют, но дрон явно провожал ее от «Джиммис», а значит, братья уже вернулись из Дэвисвилла.

Голова болела, зато паршивое настроение почти исправилось после того, как Коннера Пенске удалось отправить с парковки домой. Флинн решила, что больше не станет подменять Бертон. Будет помогать Шайлен или найдет еще какую-нибудь подработку.

И еще надо сказать Бертому, пусть узнает, что Коннер установил на «тарантул». Это не дело. Хорошо, если там всего-навсего лазер, но как бы не что похуже.

Флинн быстро крутила педали – помогала втулке подзарядить аккумулятор. А главное, ей хотелось вымотаться так, чтобы упасть и заснуть. Под следующим фонарем она подняла взгляд и снова увидела дрон. Немногим больше папарацци в игре, хотя наверняка отпечатан в фэбе.

Она свернула на извилистый, идущий под гору отрезок Портер-роуд и под первым же фонарем увидела Бертон с Леоном. Они стояли у картонного китайского автомобиля, который, наверное, взяли в прокате для поездки в Дэвисвилл. Бертон был в белой футболке, Леон – в джинсовой куртке, такой старой, что другой постыдился бы стричь в ней газон. Леон, в отличие от Бертон, не считал нужным переодеваться для работы, да и вообще ни для чего. Когда Флинн притормозила перед ними, он вскинул руку и поймал дрон в воздухе.

– Привет, – сказала она.

– И тебе привет, – отозвался Бертон. – Слазь, Леон подгонит твой велик.

– Зачем? Он не будет крутить педали, а мне надо подзарядиться.

– Это серьезно.

– Мама?..

– С ней все в порядке. Она спит. Нам надо поговорить.

– Я немножко покручу, – пообещал Леон.

Он придержал велосипед за руль, и Флинн слезла.

– Объясню в машине. Садись, – сказал Бертон.

Флинн забралась в двухместный автомобиль, который их мать назвала бы коробкой для яиц. От бумажного корпуса с герметической нанопротиткой воняло попкорном, на полу перед пассажирским сиденьем валялись обертки от еды.

– Что случилось? – спросил Бертон, как только захлопнул свою дверцу.

– В «Джиммис»?

Леон, держа в одной руке дрон, сел на велосипед. Первые метры он проехал, вихляя, затем выровнялся.

– На долбаной работе, Флинн. Они мне позвонили.

– Кто?

– Люди из «Сольветры».

– Случилось то, что игра – такое же говно, как и все. Я видела, как чувак убил женщину.

Фантазии на тему нанорезни бензопилой. Мне хватило. Дальше давай сам.

Бертон смотрел на нее:

– Кого-то убили?

– Съели заживо. Изнутри.

– Ты видела, кто убил?

- Бертон, это игра.
 - Леон не знает, – сказал он.
 - Не знает чего? Ты говорил, он получает для тебя деньги на свой Мегапал.
 - Не знает, в чем именно состоит работа. Знает только, что мне платят бабки.
 - Зачем они звонили?
 - Спрашивали, что произошло в мою смену. Я не смог ответить.
 - А сами-то они почему не знают? Разве у них не все записывается?
 - Похоже, что не все. – Бертон побарабанил пальцами по рулю. – Мне пришлось сказать, что ты меня подменяла.
 - Тебя уволят?
 - Они утверждают, что меня вчера заказали через киллерский форум. Кто-то из Мемфиса. Восемь лимонов.
 - Бред. Кто?
 - Говорят, что не знают.
 - За что?
 - Кто-то думает, я видел то, что видела ты. Ты видела убийцу? Кого ты видела, Флинн?
 - Почем мне знать? Какой-то козел. В игре. Подстроил все. Знал, что так будет.
 - Деньги реальные.
 - Какие еще деньги?
 - Десять лямов. На Мегапале Леона.
 - Если у Леона на Мегапале десять лимонов, завтра к нему придет налоговая.
 - Их там еще нет. Он выигрывает в лотерею штата в следующий тираж. Я должен купить билет и сказать им номер.
 - Не знаю, что там безбаши с тобой сделали, но крыша у тебя съехала.
 - Они хотят с тобой побеседовать.
 - Безбаши? – Флинн стало уже не странно, а по-настоящему страшно.
 - Люди из «Сольветры». Все уже обговорено.
- И он с выключенными фарами поехал по Портер-роуд, ссутулив широкие плечи над хлипким рулем.

20. Полтер

Идея устроить офис в сухопутной яхте Зубова-деда принадлежала Тлен – она знала, что мраморная плита, на которой спал Недертон, превращается не только в журнальный столик, но и в очень внушительный рабочий стол. Лев добавил, что тамошняя система камер придаст интерьеру винтажный, а для сестры полтера – современный вид. Почему самого Недертон выбрали на роль эйчара, осталось для него загадкой.

Дедушкины дисплеи, которые Оссиан нашел на каком-то из нижних этажей, привезли на электрокаре. Это были прямоугольные черные зеркала в титановых рамах. Недертон видел такие в старинной медиапродукции, но ему они показались неубедительными. Очевидно, работающий монитор выглядел иначе. Тлен, с ожидаемым азартом включившаяся в подготовку спектакля, прилепила синий светодиод на дисплей, перед которым предстояло сидеть Недертону, чтобы у того на лице лежали голубые отсветы и не чувствовалось, что человек смотрит в погасший экран.

Сейчас он рассматривал свое отражение в зеркальном дисплее. Костюму, изрядно помятому за время сна в яхте, Оссиан дал отвисеться в ванной, пока Недертон принимал душ, так что самая явная пожеванность исчезла. Еще Оссиан дал ему свой черный облегающий свитер, который был широк Недертону в груди и в плечах. Его собственная рубашка, в пятнах – надо полагать, от виски, – отправилась в стирку. Он жалел, что Тлен отказалась еще разок приложить ему к руке «медичи», – это бы благоприятно отразилось на внешности.

Недертон побарабанил пальцами по многофункциональной плите черного мрамора с золотыми прожилками. Ему предстояло изображать сотрудника «Милагрос Сольветра ЮА» – крупной воображаемой корпорации, базирующейся в Медельине. О Колумбии, в которой этот самый Медельин находится, Недертон не знал ровным счетом ничего. Лев зарегистрировал «Милагрос Сольветру» и в Колумбии, и в Панаме своего среза. Обе компании состояли из тонкой пачки документов и нескольких банковских счетов. Управляла ими одна и та же юридическая фирма в Панама-Сити.

Говорить с полтером оказалось на удивление интересно – главным образом поэтому Недертон и сидел здесь сейчас. Даже чересчур интересно. Наверное, подействовал и закуток Тлен, который своим унылым видом еще подчеркнул контраст. Так или иначе, полтер вел машину, глядя на какое-то шоссе, семьдесятю годами раньше, по другую сторону джекпота. Его телефон как-то держался на приборной доске. Широкою грудь полтера обтягивала тонкая трикотажная рубашка, а лицо изумило Недертон тем, что было совершенно человеческим. Восхитительно допостчеловеческим. Полтер являл собой воплощение первозданности. И деловой хватки, как вскоре убедился Недертон. Такому умению выманить деньги, импровизируя на ровном месте, можно было только позавидовать.

Тлен позвонила полтеру, она и говорила с ним первой. Не пытаясь скрыть добровольное измывательство над собственной внешностью и четыре зрачка. Потребовала рассказать, что он видел в последнюю смену. Полтер принялся юлить, и Тлен, взглядом испросив разрешения у Льва, переключила на того звонок. Лев, не представившись, взял быка за рога. Полтер будет уволен и не получит плату за две последние смены, если не объяснится. Тогда полтер быстро сознался, что нанял свою сестру («компетентную и ответственную», как он выразился) подменить его, поскольку сам должен был ехать к родственнику по имени Лукан, который серьезно пострадал в драке.

– Мне срочно надо было к нему. Думали, он не выкарабкается.

– Чем он занимается, этот родственник? – спросил Лев.

– Он религиозный, – ответил полтер. Недертону вроде бы послышался смешок, и полтер быстро оторвал руку от руля.

Затем он сказал, что сейчас едет домой от пострадавшего родственника, сестре еще не звонил. Лев посоветовал и не звонить, а дожидаться личного разговора. После чего сообщил про объявление.

Недертону подумалось, что Лев, при всей своей клептархической культуре, дал маху. Полтеру совершенно незачем знать такие подробности. Объяснить, что ему звонят из чужого будущего, где он – игрушка богатого сумасброда, было бы еще глупее, но ровно настолько же излишне. Недертон уже собирался отправить Льву сообщение и даже спроецировал на резную поверхность стола телефонную клавиатуру, но задумался о динамике собственных отношений со Львом. Лучше сидеть, слушать и наблюдать, как полтер выторговывает себе новую, потенциально более выгодную позицию. Недертон видел, что у того явно есть тактические умения, которые Лев, умный и с наследственными задатками, не имел случая полностью развить.

Полтер ответил, что по ряду причин представляет довольно-таки трудную мишень для наемного убийцы. Что он обладает ресурсами, которые может привлечь именно в такой ситуации. А вот то, что его сестра может оказаться в опасности, «неприемлемо». Слово прозвучало в тесной палатке Тлен неожиданно весомо. И что, спросил полтер, Лев намерен по этому поводу предпринять?

– Мы дадим денег, – сказал Лев. – Вы сможете нанять охрану.

Недертон чувствовал, что Тлен пытается поймать его взгляд. Она явно тоже поняла, что полтер переиграл Льва. Недертон встретился с нею глазами, но нейтрально, без того выражения, которого она ждала.

Лев сказал полтеру, что хочет поговорить с его сестрой, однако тот пожелал прежде услышать конкретную сумму. Лев предложил десять миллионов – чуть больше, чем пообещали предполагаемому киллеру. Полтер ответил, что на какой-то «мегапал» его двоюродного брата столько положить нельзя.

Лев объяснил, что есть другая возможность: он устроит, чтобы двоюродный брат полтера выиграл эти деньги в ближайшем тираже лотереи штата. Выплата будет абсолютно законной. И тут уже Недертон, не выдержав, сам взглянул на Тлен.

– Тебе не кажется, что история с лотереей превращает все в фаустовскую сделку? – спросил он, когда телефонный разговор закончился.

– Фаустовскую? – Лев посмотрел на него непонимающе.

– Как будто у вас есть возможности, которые обычно приписывают Люциферу, – пояснила Тлен.

– А, понятно. На самом деле это такая интересная штука, на которую мой знакомый набрел в своем срезе. Он дал мне подробные инструкции. Я как раз думал с вами обсудить.

– Здесь тесновато. – Недертон встал, приподняв тяжелый бархат плечом. – Если собираемся болтать, давайте перейдем в «мерседес», там удобнее.

Вот, собственно, и все, если не считать того, что теперь он сидел здесь и ждал звонка от сестры полтера.

21. Лохотронщик

Они так и не нагнали Леона. Может быть, он вправду крутил педали, а скорее всего – немножко крутил и одновременно расходовал заряд втулки. Велосипед стоял у дуба во дворе, Леон куда-то исчез, зато в шезлонге сидел приятель Бертона Райс и держал на коленях ман-долину. Когда они, оставив машину у ворот, подошли ближе, стало видно, что на самом деле это армейская винтовка: короткая, с дулом, как будто вдвинутым в приклад. Друзья Бертона называли такие «булками». На глаза у Райса была надвинута бейсболка – из тех, что постоянно меняют рисунок. Он был в армии, в каких-то элитных войсках, но не таких элитных, как Гап-траз, и к Бертону относился с восхищением, которое Флинн находила нездоровым, хотя сама не знала, за кого опасается – за Райса или за Бертона.

– Привет, Райс, – сказал Бертон.

– Привет, Бертон, – ответил Райс и, не привставая с шезлонга, тронул рукой кепку, почти как если бы отдал честь. На левой глазице у него была виза, и Флинн видела, как скользит по зрачку отраженный свет.

– Кто еще здесь? – спросил Бертон, глядя на темный дом. Белая вагонка уже немного просветлела в первых предутренних лучах.

– Дюваль на холме, – ответил Райс. (Пикселированное бурое пятно переползло чуть ближе к тому месту, где у нормальной бейсболки была бы пуговица. На морпеховские кепки их не пришивали, потому что, если тебя ударят по голове, пуговица может впечататься в черепушку.) – Картер за домом, Карлос у трейлера. Поставили сетку: двадцать единиц, двадцать в запасе.

Флинн знала, что это значит: двадцать дронов синхронно курсируют над участком, каждый из ребят контролирует треть дронов. Нехилая такая эскадра.

– Мы пойдем в трейлер, – сказал Бертон. – Предупреди Карлоса.

Козырек бейсболки приподнялся.

– У лукануток на тебя зуб? Мне Дюваль сказал.

– Луканы – фигня. Надо ждать ребят посерьезнее, – ответил Бертон.

Он положил руку Райсу на плечо, затем двинулся вниз, к трейлеру.

– Доброй ночи, Флинн, – сказал Райс.

– Доброе утро, – ответила она и догнала Бертона. – Как они выглядели? Люди, которые тебе звонили.

– Помнишь «Жертвенные аноды»?

Флинн почти не помнила. Группа из Омахи или вроде того.

– Они были еще до меня.

– Она походила на певицу из «Анодов» Кэт Блексток, только с хеллоуинскими контактными линзами. Другой примерно моих лет, высокий, неряшливый, с бородкой и в старинных очках. Привык, что его слушаются.

– Они колумбийцы? Латиносы?

– Англичане.

Флинн вспомнила город, изгиб реки.

– Почему ты им поверил?

Бертон остановился, и Флинн чуть на него не налетела.

– Я не говорил, что поверил им. Я верю в живые деньги, которые мне заплатили. Будут у Леона десять лимонов на Мегапале – поверю в десять лимонов.

– Ты веришь, что тебя заказали.

– Думаю, люди из «Сольветры» верят.

– Ты вызвал Райса и ребят с пушками.

– Не повредит. Они рады поводу. Леон выиграет в лотерею, может поделиться.

– Лотерея подтасована?

– Тебя это удивляет?

– Думаешь, «Сольветра» связана с правительством?

– Это деньги. Тебе кто-нибудь предлагал их в последнее время, кроме меня?

Он повернулся и зашагал по тропе. На деревьях чирикали первые птицы.

– А если это какая-нибудь безовская подстава?

Через плечо:

– Я обещал, что ты им позвонишь. Это надо сделать, Флинн.

– Но ты не знаешь, кто они. Почему они не писали видео, если платили за съемку с коптера?

Бертон снова остановился:

– Почему-то есть форум, где можно подрядиться на убийство незнакомого человека. По той же причине в этой стране прилично живут только те, кто лепит наркоту.

– Ладно, – сказала она. – Я не отказываюсь. Просто все это какой-то бред.

– Офицер внутренней безопасности сказал, что я мог бы к ним вступить. Подчиненные у него за спиной закатили глаза. Трудные времена.

В темноте за деревьями уже угадывался светлый трейлер. Флинн казалось, будто она не была здесь давным-давно.

Кто-то шевельнулся, едва заметный за трейлером. Карлос, наверное. Он показал им большой палец.

– Где пароль? – спросил Бертон.

– В чехле с твоим томагавком.

– Топориком, – поправил он, открывая дверь и заходя внутрь; зажегся свет. Бертон глянул на сестру. – Я знаю, ты считаешь все это бредом, но, может быть, у нас появился шанс выбраться из финансовой ямы. А такие шансы на земле не валяются, если ты еще не заметила.

– Да поговорю я, поговорю.

Китайское кресло расширилось под Бертон. Флинн достала из чехла полоску сфабленной бумаги и стала читать пароль. Бертон вбивал под диктовку.

Он уже собирался нажать «войти», когда Флинн положила ладонь ему на руку:

– Я все сделаю, но при тебе не могу. Мне надо быть одной. Если хочешь слушать снаружи, я не против.

Он перевернул руку, стиснул ее ладонь. Встал. Кресло попыталось его отыскать.

– Садись, не то его сейчас инфаркт хватит, – сказал Бертон, взял томагавк и вышел, прикрыв за собой дверь.

Флинн села. Кресло с побряхтыванием и пристаныванием сжалось. Она чувствовала себя как в «Кофе-Джонсе», когда надо было идти в офис за очередной нахлобучкой от менеджера ночной смены Байрона Берхардта.

Она сняла телефон, распрямила и глянула в экран, как в зеркальце. Стрижка не фонтан, давно надо подновить, зато в кармане джинсов лежал блеск для губ – Дженет принесла набор пробников из «Мегамарта», когда там работала. Надписи с тюбика стерлись, и давить было почти нечего, но Флинн все равно достала его и намазала губы. В любом случае это будет не бедолага Байрон: через три месяца после того, как он ее уволил, в его машину врезалась идущая на автопилоте длинномерная фура.

Она щелкнула «войти».

– Мисс Фишер?

Вот так сразу. Чувак примерно ее лет, короткостриженный шатен, волосы зачесаны назад, выражение нейтральное. В комнате за его спиной было много очень светлого дерева или пластика под дерево, покрытого чем-то вроде лака для ногтей.

– Флинн, – ответила она, напомнив себе о вежливости.

– Флинн, – повторил он и уставился на нее из-за старинного монитора.

На чуваке была черная водолазка с высоким горлом – Флинн, кажется, ни разу не видела таких в реале. Сейчас она заметила, что он сидит за столом из черного пластика под мрамор, с толстыми прожилками фальшивого золота. Ни дать ни взять съемный офис из рекламы банка-лохотрона. Может, этот тип и есть колумбиец. Он не походил на латиноса, но и очков с бородкой у него не было – значит, не тот, с которым говорил Бертон.

– А ты? – спросила она резче, чем собиралась.

– Я? – Он вздрогнул, выходя из задумчивости.

– Я только что назвала тебе свое имя.

Он глянул так, что Флинн захотелось обернуться через плечо, и проговорил удивленно:

– Недертон. Уилф Недертон.

– Бертон сказал, ты хочешь со мной поговорить.

– Да. Все правильно.

Выговор у него был британский, как и у тех, с кем общался Бертон.

– Зачем?

– Насколько мы понимаем, ты замещала брата в последние две смены...

– Это игра?

Вопрос выскочил сам – Флинн не собиралась его задавать.

Он приоткрыл рот, чтобы ответить.

– Скажи, что игра.

Флинн точно не знала, что на нее нашло, однако это точно началось после «Операции „Северный ветер“». Как будто, сидя на диване у Мэдисона и Дженис, она заразилась от Бертона посттравматическим синдромом.

Чувак закрыл рот. Немного нахмурился. Покусал губы, потом ответил спокойно:

– Это чрезвычайно сложный конструкт, часть куда более обширной системы. «Милагрос Сольветра» отвечает за безопасность. Не наше дело вникать во все остальное.

– Так это игра?

– Если тебе угодно.

– Что вся эта хрень значит?

Флинн отчаянно хотела знать, только не знала, что именно. Ну разумеется, игра, что же еще?

– Это игроподобная среда. Она не реальная в том смысле, который ты...

– А ты реальный?

Он склонил голову набок.

– Откуда мне знать? – сказала Флинн. – Если это была игра, как мне определить, что ты не ИИ?

– Я похож на метафизика?

– Ты похож на чувака в офисе. Чем именно ты занимаешься, Уилф?

– Работа с персоналом, – ответил он, сузив глаза.

Флинн подумала: если он – ИИ, то разработчики явно с вывертом.

– Бертон сказал, вы утверждаете, что...

– Не надо, пожалуйста, – быстро перебил он. – Обсудим позже, по более безопасному каналу связи.

– Что там за голубой свет у тебя на лице?

– От монитора. Неисправного. – Он нахмурился. – Ты отдежурила за брата две смены?

– Да.

– Пожалуйста, опиши их мне.

– Почему просто не посмотреть сохраненное видео?

– Что-что?

– Если никто не сохранял видео, на хрена я снимала?

– Это дело нашего клиента. – Он подался вперед, лицо выглядело по-настоящему встревоженным. – Пожалуйста, помогите нам.

Он не внушал особого доверия, но хоть на что-то был похож.

– В первую смену я стартовала с крыши фургона или чего-то в таком роде, – начала Флинн. – Вылетела из люка, ручное управление было отключено...

22. Архаика

Недертон заслушался. Было какое-то особое обаяние в ее выговоре, в голосе из доджекпотовской Америки.

В их прошлом тоже была Флинн Фишер. Если она жива, лет ей сейчас намного больше. Хотя, учитывая джекпот и шансы на выживание, это маловероятно. Однако, поскольку Лев впервые затронул ее континуум всего несколько месяцев назад, Флинн перед ним еще не успела далеко уйти от настоящей Флинн, ныне старой или покойной, которая была этой девушкой до джекпота, а потом пережила его или погибла, как многие другие. Вмешательство Льва еще не сильно ее изменило.

– Голоса на двадцатом, – сказала она, закончив отчет о первой смене. – Я не могла их разобрать. Чьи они?

– Я не посвящен в детали задания, порученного твоему брату, – ответил Недертон.

На ней была черная армейская рубашка, расстегнутая на шее, с погонами и какой-то красной надписью над левым карманом. Темные глаза, темные волосы. Стрижка такая, будто ее делала митикоида. Лев рассказывал о подразделении, в котором служил ее брат, и теперь Недертон гадал, не служила ли там и она.

Тлен подключила его к трансляции, и он поместил канал в центре поля зрения, чтобы удобнее было смотреть в глаза. Предполагалось, что Недертон будет держать голову опущенной, как будто видит девушку на мониторе, но он об этом все время забывал.

– Бертон сказал, что они папарацци. Маленькие дроны.

– У вас такие есть?

Недертон внезапно осознал, как смутно представляет себе ее время. История местами занятна, но уж слишком обременительна. Нахватаешься лишних знаний – станешь как Тлен, одержимая каталогом исчезнувших видов, маниакально ностальгирующая по тому, чего никогда не видела.

– У вас в Колумбии нет дронов?

– Есть, – ответил Недертон.

Почему она в какой-то подводной лодке или воздушном судне со стенами из светящегося меда?

– Спроси, что она видела, – напомнил Лев.

– Ты описала свою первую смену, – сказал Недертон. – Насколько я понимаю, во вторую произошло некое событие. Опиши его.

– Рюкзак, – сказала Флинн.

– Что-что?

– Как детский рюкзачок, только из какого-то паршивого серого пластика. Типа шупальца по четырем углам. Или ножки.

– И когда ты впервые его увидела?

– Вылетела из люка в фургоне, пошла вверх, все как в первый раз. На двадцатом голоса опять умолкли. Тут я и увидела, как он лезет.

– Лезет?

– Кувыркается. Лечу выше, теряю его из виду. На тридцать седьмом он меня обгоняет. На пятьдесят шестом получаю контроль над коптером. Жучков нет. Облетаю дом – ни папарацци, ни жучков. Тут окно разморозилось.

– Деполяризовалось.

– Так я и думала. Увидела вчерашнюю женщину. Вечеринка кончилась, другая мебель, женщина в пижаме. С ней кто-то еще, видно только, что она на него смотрит. Смеется. Облетела дом еще раз. Возвращаюсь, они у окна.

– Кто?

– Женщина. Рядом с ней мужчина. Лет тридцать – тридцать пять. Брюнет. Бородка. Расово – ни то ни се. Коричневый халат.

Выражение у нее изменилось. Она смотрела на Недертон, вернее, на его изображение в своем телефоне, но перед ее глазами был кто-то другой.

– Он стоял рядом, обняв ее за талию. Она не видела его лица. А он знал.

– Что?

– Что та штуковина ее убьет.

– Какая штуковина?

– Рюкзак. Там в стекле открылась дверь. И такие выползли вроде перила, на балконе. Вижу, сейчас эти двое выйдут и заметят коптер. Я вбок, типа захожу на облет, на углу зависаю. Иду вверх, до пятьдесят седьмого, и сразу назад.

– Почему?

– Из-за его лица. Нехорошо он смотрел. – Ее голос звучал ровно, очень серьезно. – Она была над ними, на фасаде пятьдесят седьмого. Штуковина. Замаскировалась под стену, та же форма, что панели, тот же цвет. Только они были мокрые, а она сухая. И вроде как дышала.

– Дышала?

– Сдувалась и раздувалась. Несильно.

– Ты была над ними?

– Они стояли на балконе, смотрели на реку. Я хотела щелкнуть кадр, но не сообразила как. Первый раз получилось само, с папарацци. Видимо, автоматом включается на близком расстоянии, только я не знала, чем управляю. Подлетела ближе, и тут штуковина что-то выплюнула. Мелкое и быстрое, не разглядеть. И сразу мне в камеру. Куснет – отлетит. Я отключила винты, упала на три этажа. Стабилизировалась. Кусачка исчезла. Я влево и резко вверх. Он стоял у нее за спиной. Взял ее руки, закрыл ей глаза. Поцеловал в ушко, блин, что-то шепнул. «Сюрприз». Зуб даю, он шепнул: «Сюрприз». Потом отступил на шаг, повернулся. Вижу, сейчас уйдет с балкона. И тут они полезли. Тучей. Он поднял голову. Он знал. Знал, что они тут будут.

Она глянула вниз, как будто на свои руки. Снова на него:

– Я нацелилась ему в башку. Не успела. Он упал на колени. А они залетели к ней в рот и начали ее жрать. Он вскочил, забежал в дом, дверь закрылась, окно стало серым. Думаю, она умерла от первого же укуса. Надеюсь.

– Ужасно, – сказала Тлен.

– Тсс, – прошипел Лев.

– Она опиралась на перила, – продолжала Флинн, – и они стали втягиваться. Она упала. Я за ней. Почти до низу. Они ее жрали на лету. Только тряпки остались.

– Эта та женщина? – спросил Недертон, поднимая матовую фотографию, распечатанную с Аэлитино сайта.

Флинн глянула на нее из глубины семидесяти с чем-то лет, из прошлого, которое уже было не вполне их прошлым, и кивнула.

23. Кельтский узел

Она лежала на кровати в комнате с задернутыми занавесками и думала непонятно о чем. Мерзопакость в игровом городе, похожем на Лондон. Коннер с «тарантулом» на парковке перед «Джиммис». Бертон рассказывает про «Сольветру», про то, что его заказали. И что это из-за виденного ею в игре. И как они приезжают, а у дома – его ребята-ветераны.

И наконец, Уилф Недертон, похожий на дешевую рекламу безымянного продукта. Когда Флинн закончила разговор и вышла, брата рядом не было, так что она пошла к дому, гадая, почему, если это игра, Бертона хотят убить. За то, что он якобы видел убийство в игре? Когда Флинн задала этот вопрос Недертону, тот ответил, что не знает, точно так же как не знает, отчего не сохраняли видео, и знать не хочет, и ей советует не забивать голову. И в эту минуту он больше всего походил на живого человека из реала.

Мама встала рано и варила себе кофе на кухне, в древнем-предревнем, старше Флинн, халате, с кислородной трубкой под носом. Флинн поцеловала ее, отказалась от кофе, а на вопрос, где была, ответила, что в «Джиммис».

– Сто лет ей в обед, этой кафешке, – заметила мама.

Флинн взяла банан и фильтрованной воды в стакане, поднялась к себе. Оставила часть воды, чтобы почистить зубы. Чистя их, как всегда, отметила, что кран над раковиной был когда-то хромированным. Сейчас от покрытия остались редкие чешуйки, главным образом внизу, где смеситель крепился к фаянсу.

Она вернулась в спальню, закрыла дверь, сняла кофе-джонсовскую рубашку со спортивной кофе-джонсовской нашивкой, лифчик и джинсы, надела огромную морпеховскую фуфайку Бертона и легла.

Усталость и перевозбуждение мешали уснуть. Через какое-то время Флинн вспомнила, что на старом телике у нее было приложение для дроновских игр Бертона и Леона и что Мейкон должен был перенести его на новый вместе со всем остальным. Достала телефон из-под подушки, проверила. Так и есть. Она запустила приложение, выбрала вид сверху и увидела спутниковый снимок участка: серый прямоугольник крыши, под которой сейчас лежала, и светлые точки, отмечающие положение дронов. Они двигались в сложном танце, вычерчивая узор, название которого Флинн знала по татуировкам: кельтский узел. Каждый по очереди подзаряжался, а его на это время сменял запасной.

Бертон выиграл много дроновских игр. Очень круто ими управлял. В Первой гаптической разведке все так или иначе связано с дронами. И даже, кто-то ей сказал, сам Бертон был своего рода дроном, по крайней мере отчасти, пока носил татуировки.

Светлые точки, плетущие узел над ее домом, успокаивали. Скоро Флинн почувствовала, что, наверное, сможет уснуть. Она закрыла приложение, сунула телефон под подушку и натянула на себя одеяло.

И уже почти засыпала, когда внезапно увидела трепещущие в воздухе футболку и пижамные штаны.

Гады.

24. Анафема

Тилациниха запрыгнула в «мерседес» впереди Льва, сухо цокая когтями по светлому дереву, глянула на Недертон черными глазами и зевнула. Челюсти у нее были куда длиннее собачьих, скорее как у крокодила, только откидывалась не верхняя, а нижняя.

– Гиена, – без всякой радости приветствовал ее Недертон.

Он провел ночь в хозяйской каюте, по сравнению с которой мраморно-золотая доска выглядела аскетически простой.

Лев хмурился.

Следом вошла Тлен в «конфиденц-костюме», как Недертон называл про себя ее тускло-серый суконный комбинезон с длинными рукавами, старинной алюминиевой молнией от горла до лобка и множеством накладных карманов на стальных скрепках. Тот несколько умерял красноречивость ее телодвижений, а заодно прятал зверей и, видимо, обозначал, что она настроена серьезно и просит воспринимать ее соответственно.

– Итак, ты за ночь все обдумал, – сказал Лев, рассеянно глядя Тиенну.

– Кофе принес?

– Бар приготовит, что хочешь.

– Он заперт.

– Какой тебе кофе?

– Американо, черный.

Лев подошел к бару и приложил большой палец к овалу. Дверца сразу открылась.

– Американо, черный, – сказал Лев.

Бар почти бесшумно выполнил заказ, и Лев принес Недертону дымящуюся чашку на блюде.

– Что ты думаешь про ее рассказ?

– Если она говорит правду, – начал Недертон, наблюдая, как Тиенна закрывает пасть и сглатывает, – и если она видела именно Аэлилу... – Он поймал взгляд Льва. – Не похищение.

Кофе был обжигающе горяч, но очень хорош.

– Мы надеялись выяснить, что скажет ее дом, – заметил Лев.

– А он молчит, – вставила Тлен.

– Почему?

– Не хочет говорить. А по слухам, и не знает.

– Как ее дом может не знать? – изумился Недертон.

– В том же смысле, в каком ничего не знает этот. Такое можно организовать и на определенное время, однако требуется... – Он сделал быстрый, еле заметный, чисто русский жест, будто играет на невидимом пианино: клептархия того уровня, о которой не стоит упоминать вслух.

– Понятно, – ответил Недертон, который ничего не понял.

– Нам потребуется капитал. В срезе, – сказала Тлен. – Оссиан исчерпал все возможности, какие мог измыслить. Если вы хотите сохранить влияние...

– Не влияние, – поправил Лев. – Я там царь и бог.

– Уже не единолично, – напомнила Тлен. – Наши гости с порога зарезервировали себе убийцу. Если их капитал будет больше нашего, мы окажемся беспомощны. А вот ваши семейные финматематики...

Недертон подумал, что она надела «конфиденц-костюм», прежде чем подступить к Льву с предложением задействовать семейные финансовые модули. Он глянул на Льва и понял, что убедить того будет нелегко.

– Оссиан может оптимизировать манипуляцию виртуальными деньгами в их онлайн-играх. Он над этим работает, – сказал Лев.

– Если наши гости купят политика или главу американского федерального агентства, нам придется вступить в гонку, – заметила Тлен. – И мы легко можем ее проиграть.

– У меня нет желания создавать более грандиозный бардак, чем тот, к которому они идут исторически, – возразил Лев. – А именно это случится при излишнем вмешательстве. Хватит того, что Уилф уговорил меня предоставлять полтеров в качестве курьезной разновидности доморощенных ИИ.

– Надо привыкать, Лев. – Тлен почти никогда не называла его по имени. – У кого-то еще есть доступ. Разумно предположить, что этот кто-то влиятельнее нас, поскольку мы даже близко не знаем, как проникнуть в чужой срез.

– А вы не можете прыгнуть вперед и узнать, что будет? – спросил Недертон. – Глянуть на них через год, а потом внести поправки?

– Нет, – ответила Тлен. – Это не путешествия во времени. После первого же мейла в их Панаму между континуумом и нами установился фиксированный коэффициент длительности: один к одному. Здесь и там время течет с одной скоростью. Мы ровно так же не можем заглянуть в их будущее, как не можем заглянуть в свое, и убеждены только в одном: это не будет известная нам история. И нет, мы не знаем почему. Просто так работает сервер.

– Семейные ресурсы не обсуждаются, – сказал Лев. – Идея прибегнуть к ним – анафемская.

– Анафема – мое второе имя, – не удержалась Тлен.

– Знаю, – ответил Лев.

– Предположу, – сказал Недертон, ставя пустую чашку на блюдце, – что это один из немногих уголков твоей жизни, где их не было. Семейных ресурсов.

– Именно.

– В таком случае, – сказала Тлен, – план Б.

– В чем он состоит? – спросил Лев.

– Мы передаем исторические, социальные и рыночные данные плюс информацию из среза финматематикам-фрилансерам, и они выигрывают нам долю в экономике континуума. Конечно, они будут действовать не так точно и оперативно, как ваши семейные, но, может, хватит и того. И придется им платить. Здесь, реальными деньгами.

– Хорошо, – сказал Лев.

– Тогда для протокола: сперва я предложила обратиться к вашим семейным финматематикам. Ребятки из ЛШЭ умны, но не настолько.

– Ребятки? – переспросил Недертон.

– Если капитал противника превысит наш, вы не сможете меня винить.

Недертон решил, что Тлен изначально подводила к тому, чего в итоге добилась. Занятно; он прежде не думал, что она так умело манипулирует Львом. Возможно, идею предложил Оссиан.

– Очень интересно, спасибо, – сказал он. – Надеюсь, вы и дальше будете держать меня в курсе. Рад был помочь.

Оба вытаращились на него.

– Вынужден вас покинуть. У меня встреча за ленчем.

– Где? – спросила Тлен.

– В Бермондси.

Она подняла бровь. Из-за жесткого суконного воротника выглянуло изображение хамелеона и тут же спряталось, словно испугавшись посторонних.

– Уилф, – сказал Лев, – ты нужен нам здесь.

– Мне всегда можно позвонить.

– Ты нам нужен, потому что мы обратились в полицию.

– В Лонпол, – добавила Тлен.

– Исходя из того, что рассказала сестра полтера и что мы знали о ситуации, нам ничего не оставалось, кроме как обратиться к юристам. – Видимо, Лев имел в виду семейных адвокатов, которые, как Недертон догадывался, составляли отдельную отрасль национальной экономики. – Они договорились о встрече. Разумеется, ты должен на ней присутствовать.

– Инспектор уголовной полиции Лоубир рассчитывает тебя увидеть, – сказала Тлен. – Весьма почтенная дама. Не стоит обманывать ее ожидания.

– Если Анафема – твое второе имя, то Тлен, выходит, первое? – спросил Недертон.

– Первое Мария, – ответила она. – Тлен моя фамилия. Раньше на конце было два «н», но матушка одно ампутировала.

25. Кайдекс

В шелку между занавесками Флинн видела, как Бертон обогнул угол дома. Он быстро шагал в ярком утреннем свете, помахивая томагавком, который держал за головку, как прогулочную трость. Это значило, что на лезвия надеты кайдексовские мини-чехлы его собственной работы. Бертон с друзьями увлекались изготовлением ножен, чехлов и кобур из термопластика, как другие – петчворком или макраме. Леон шутил, что им пора выдать бойскаутские нашивки «За успехи в ручном труде».

У ворот стоял огромный, древнего вида «Урал», ярко-красный, с коляской того же цвета. И водитель, и пассажир были в круглых черных шлемах. В пассажире по куртке сразу угадывался Леон.

Она снова продрыхла полдня. Снов не помнила. Судя по теням, сейчас было часа четыре. Когда Бертон подошел к мотоциклу, Леон снял шлем, но из коляски не вылез. Достал что-то из кармана, протянул Бертону. Тот глянул, сунул в карман.

Флинн отошла от окна, накинула халат и собрала вещи, чтобы надеть после душа.

Однако прежде надо было сказать Бертону про Коннера. Она, в халате и пантолетах, спустилась по лестнице, неся под мышкой завернутую в полотенце одежду.

Бертон стоял на крыльце. Кайдексовские чехлы были ортопедического телесного цвета – ребята всегда брали такой, считая черный слишком пафосным. Может, если кто увидит розовые ножны или кобуру под рубашкой, решит, что ты носишь корсет после операции.

– Давно Коннера видел?

– Звякнул ему вчера.

– Зачем?

– Спросил, не хочет ли он нам помочь.

– Я видела его вчера ночью. На парковке у «Джиммис». Он мне очень не понравился. Шло к тому, что он уделает двух футболистов. При всем народе.

– Надо кому-то за ним приглядывать. Чувак нарывается. От скуки совсем крышу снесло.

– Что у него там на трайке сзади?

– Скорее всего, просто мелкашка двадцать второго калибра.

– Неужели никто не попытается ему помочь? Он же себя гробит.

– Еще не так гробит, как мог бы. И я пытаюсь помочь. В. А. ничего делать не будет.

– Мне было страшно.

– Он тебя пальцем не тронет.

– За него страшно. Чего Леон приезжал?

– Вот.

Бертон достал из заднего кармана новенький лотерейный билет и протянул Флинн.

С размытой голограммы смотрел Леон, рядом был отпечатан скан его сетчатки.

– Они скоро и геном будут сюда записывать, – сказала Флинн. Она давно не видела лотереек – мать приучила их обоих не играть в то, что называла «налог на глупость». – Думаешь, он правда выиграет десять миллионов?

– Там меньше, но если выиграет, то нам лафа.

– Тебя не было вчера, когда я закончила говорить с «Милагрос Сольветрой».

– Карлосу надо было помочь с дронами. С кем говорила?

– Не с теми, с кем ты. Какой-то Недертон. Сказал, из отдела по работе с персоналом.

– И?..

– Спросил, что было во время смены. Я рассказала то же, что тебе.

– И?..

– Пообещал быть на связи. Бертон?

– Да?

– Если это игра, почему тебя хотят убить за то, что ты видел в игре?

– Разработка игр стоит туеву хучу денег, вот бета-версию и секретят со страшной силой.

– Ничего там не было особенного, – сказала Флинн. – Во многих играх мочат такими уродскими способами.

Впрочем, она сама не очень-то верила своим словам.

– Мы не знаем, что для них особенное в том, что ты видела.

– Ладно. – Она протянула ему билет. – Я в душ.

Она прошла через кухню во двор, закрыла дверь кабинки и уже сняла халат, когда на руке зазвонил телефон.

– Алло, – сказала Флинн.

– Это Мейкон. Как жизнь?

– Норм. А у тебя?

– Шайлен говорит, ты меня искала. Надеюсь, не клиентскую жалобу хочешь вчинить?

Голос у него был ничуть не встревоженный.

– Скорее, мне нужна техподдержка, но это терпит до встречи.

– Я как раз в закускойной, веду прием. У нас тут меговские свиные нагетсы. Фирменные. Много.

– Без посторонних.

– Не вопрос.

– Я подъеду на велике. Не уходи.

– Заметано.

Флинн вымылась, надела вчерашние джинсы и просторную серую футболку. Оставила полотенце, халат и пантолеты на полке снаружи душа и пошла к велосипеду.

Бертоновых ребят видно не было, но Флинн не сомневалась, что они здесь и что дроны по-прежнему над участком. Все это казалось нереальным. И билет с голограммой и сетчаткой Леона тоже. Может быть, не один Коннер двинулся умом.

Она отстегнула велик, села, убедилась, что Леон не полностью разрядил аккумулятор, и покатила, вдыхая теплый запах придорожных сосен.

Примерно на трети пути навстречу с ревом пронесся «тарантул» – так быстро, что Флинн не разглядела Коннера.

Запах жареной курицы еще долго преследовал ее, но потом все-таки рассеялся. Через сорок пять минут Флинн уже пристегивала велик рядом с «Мегамартом».

У Мейкона имелся в закускойной собственный столик, в самом дальнем от кассы углу. Он лечил магазинное оборудование, выправлял то, что штаб-квартира сетки в Дели выправить не могла. Когда ломались аэростаты видеонаблюдения за ворами или система отслеживания запасов, Мейкон чинил их на месте. Зарплату ему не платили, но по договоренности он использовал угловой столик в качестве офиса, а также имел открытый кредит на еду и напитки.

Мейкон не брался ни за что, связанное с наркотой. Для его профессии такая щепетильность была редкой. Она могла сильно осложнить ему жизнь, если бы его услуги понадобились кому-нибудь из тех, кто лепит наркотики, однако здорово упрощала ее в остальном. Заместитель шерифа Томми Константайн, единственный, на взгляд Флинн, привлекательный холостяк в городе, рассказывал, что управа обращается к Мейкону, когда свои техники не справляются.

Вся закускойная благоухала свиными нагетсами. У куриных запах не такой сильный, наверное, потому, что в них не кладут красную краску. Когда Флинн подошла к столику, Мейкон сидел, как всегда, спиной к стене и быстро уничтожал нагетсы. Эдвард, слева от него, чинил что-то удаленное.

У Эдварда были визиы на обоих глазах, наверное для объемного зрения, и поверх них сиреневая атласная маска для сна, чтобы не мешал свет. Руки в эластичных ядовито-оранже-

вых перчатках с узором вроде египетских иероглифов двигались, и Флинн почти видела то, что они чинят, хотя на самом деле видеть не могла, поскольку оно было не здесь, а в кабинете управляющего магазином или вообще в Дели, но Эдвард-то видел и управлял двумя пластиковыми руками, которые это держали.

– Привет, – сказал Мейкон, поднимая взгляд от тарелки.

– Привет, – ответила Флинн и придвинула себе стул. Все стулья здесь были как будто из того же пластика, каким Бертон залил изнутри трейлер, только менее упругого.

Эдвард нахмурился, аккуратно поставил невидимый предмет в шести дюймах над столом и сдвинул маску на лоб. Глянул на Флинн через серебристые визы, широко улыбнулся. Его улыбка была нешуточным знаком внимания.

– Наггетсов? – спросил Мейкон.

– Нет, спасибо, – ответила Флинн.

– Они свежие!

– Из самого Китая.

– Никто не выращивает таких сочных свиных наггетсов, как китайцы. – У Мейкона кожа была светлее, чем у Эдварда, вроде как в конопушках, и очень красивые карие, с зеленой крапункой глаза. Левый сейчас поблескивал серебристой визой. – Телик залочился?

– Ты их не боишься? – спросила Флинн, имея в виду визу. – Они все видят.

– Наши довольно основательно брейкнуты, – ответил Мейкон. – Тех, что из коробки, стоит бояться.

– Мой не залочился, – сказала Флинн, отлично зная, что Мейкону это и так известно. – Тут другое дело. Безбаша забрали Бертон на стадион в Дэвисвилле, чтобы не навешал луканутым.

– Обидно как. Совсем не успел навешать?

– Успел, потому и забрали. В общем, его телик был у них всю ночь. И я боюсь, не заглянули ли они в мой.

– Тогда они и в мой заглянули, – сказал Мейкон. – У нас с твоим братом много общих дел.

– А ты можешь определить, было или нет?

– Наверное. Если бы безбаш в фургоне от нечего делать полез искать порнушку, я бы понял. А какой-нибудь всевидящий федеральный ИИ? Фиг его разберет.

– Они бы просекли, что мой телик – левый?

– Просечь можно, – сказал Эдвард, – но для этого к тебе должна залезть такая зараза, которая специально проверяет конкретные телефоны.

– Вообще-то, мы всё делаем аккуратно, – добавил Мейкон. – Китайские производители еще ни одного нашего телика не засекали.

– Насколько нам известно, – заметил Эдвард.

– Верно, – сказал Мейкон. – Но обычно когда они засекают, то действуют.

– В общем, ты не знаешь?

– В общем, да. Но даю тебе бесплатное разрешение не волноваться.

– Ты что-нибудь в последнее время делал для Коннера Пенске?

Мейкон с Эдвардом переглянулись. Эдвард надвинул сиреневую атласную маску для сна и взял из воздуха вещь, которая была не здесь. Повертел ее в руках. Потыкал оранжево-черным пальцем.

– Ты типа про что? – спросил Мейкон.

– Я заходила вчера в «Джиммис». Искала тебя.

– Жалко, что разминулись.

– Там был Коннер. Поцапался с малолетними придурками. У него что-то было на трайке.

– Желтая ленточка?

– Какая-то механическая змея. Управляемая таким типа моноклем.

– Мы ему ее не фабили, – сказал Мейкон. – Списанная военная через *eBay*. Мы сделали только сервоинтерфейс и схему.

– Что там у нее на конце?

– Фиг его знает. Наше дело маленькое.

– Ты понимаешь, что он может серьезно влипнуть?

Мейкон кивнул.

– Ты же не будешь спорить, что Коннер – законченный придурок? – сказал он. – Со своим трайком и этой новой фигней.

– А еще таблетками и бухлом. Просто игрушки и трайк, может бы, и ничего.

Мейкон глянул на нее печально и сказал:

– Маленький манипулятор на конце, как у Эдварда, только с меньшей подвижностью.

– Мейкон, я видела, как ты фабил пушки.

Мейкон мотнул головой:

– Нет, Флинн. Для него – нет.

– Он мог добыть где-нибудь еще.

– В этом городе плюнь – попадешь в сфабленную пушку. Добыть – не проблема. Пойми: если я посылаю Коннера лесом, его драндулет ломается, В. А. починить не может, ему становится еще хреновей. Если не посылаю и мы лечим его драндулет, Коннер улыбается и просит у меня то, чего ему нельзя. Такая вот ерунда.

– Может, Бертон подкинет ему работу.

– Вы хорошие, Флинн. Ты и твой брат. – Он улыбнулся. – Точно не хочешь нагетсов?

– Я пойду. Спасибо за техподдержку. – Она встала. – Пока, Эдвард.

Сиреневая маска кивнула:

– Пока, Флинн.

Она вышла из магазина и отстегнула велосипед.

Над парковкой висел аэростат, делая вид, будто просто рекламирует следующее поколение виз. Однако из-за плаката с увеличенным изображением глаза под серебристой паутиной визы создавалось впечатление, будто стат за всеми следит, как оно, разумеется, и было на самом деле.

26. Весьма почтенная

Недертон впервые попал в гостиную Зубова-деда. Она показалась ему одновременно мрачной и аляповатой, какой-то чужой в своей чересчур истовой английскости. Дерево – а оно тут преобладало – поблескивало болотного цвета эмалевой краской и позолотой. Мебель была темная и тяжелая, кресла – высокие, с такой же болотной обивкой.

Если бы Тлен не предупредила заранее, что инспектор Лоубир – первый представитель органов правопорядка, вступивший в дом Зубовых с момента приобретения, – женщина, Недертон затруднился бы сразу определить ее пол.

Равномерно розовые руки и лицо инспектора казались слегка раздутыми чем-то немного светлее крови; волосы, густые и белые, как сахарная глазурь, были коротко подстрижены сзади и по бокам, а спереди зачесаны вверх, так что получалась своего рода стоячая челка. Чересчур ярко-васильковые глаза смотрели внимательно и зорко. Костюм отличался той же гендерной неопределенностью, что и весь облик: Сэвил-роу либо Джермин-стрит, ни один стежок не проложен роботом или перифералью. Мужского кроя пиджак идеально сидел на широких плечах, между краем брючин и черными оксфордскими туфлями проглядывали узкие щиколотки в гладких черных носках.

– Исключительно любезно с вашей стороны, мистер Зубов, было встретиться со мной так скоро, – сказала инспектор из кресла, – а уж тем более пригласить меня к себе домой.

Она улыбнулась, показав зубы, в неидеальности которых читалась заоблачная цена. Недертон знал, что в ознаменование ее исторического визита по Ноттинг-Хиллу сейчас кружат два автомобиля с боевым контингентом семейных адвокатов. Сам он всячески избегал гиперфункционально старых людей – они, как на подбор, оказывались чрезвычайно сведущи и очень влиятельны. Правда, и встречались довольно редко – что и было их главным достоинством.

– Пустяки, – сказал Лев.

Оссиан, еще больше обычного похожий на дворецкого, принес чай.

– Мистер Мерфи! – искренне обрадовалась Лоубир.

– Да, мэм. – Оссиан замер с серебряным подносом в руках.

– Извините, я забыла, что мы не представлены. В мои лета связь с миром идет главным образом через трансляции, мистер Мерфи. За свои грехи я имею постоянный доступ практически ко всему, отчего приобрела ужасную привычку вести себя так, будто уже знакома с теми, с кем мне только предстоит встретиться.

– Я ничуть не в претензии, мэм, – ответил Оссиан, потупясь в точном соответствии со своей ролью.

– Тем более что в определенном смысле я их действительно знаю, – сказала Лоубир остальным, будто не слышала его слов.

Оссиан с тщательной невозмутимостью поставил тяжелый поднос на боковой столик и приготовился обнести всех бутербродами.

– Вам, наверное, известно, – продолжала Лоубир, – что я расследую недавнее исчезновение Аэлиты Уэст, проживающей в Лондоне гражданки Соединенных Штатов. Будет проще, если каждый из вас расскажет о своих отношениях с разыскиваемым лицом и друг с другом. Может быть, мистер Зубов, вы начнете первым? Разумеется, все произнесенное с этой минуты будет зафиксировано.

– Как я понял, достигнута договоренность, что в этом доме не будет каких-либо записывающих устройств.

– Безусловно, – ответила она. – Однако я обладаю сертифицированной памятью, и все запечатленное в ней может быть предъявлено в суде.

– Не знаю, с чего начать, – произнес Лев после короткой паузы, в течение которой он пристально разглядывал Лоубир.

– С лососем, спасибо, – сказала та Оссиану. – Не могли бы вы для начала объяснить, в чем состоит ваше хобби, мистер Зубов? Ваши адвокаты в беседе со мной назвали вас «страстным континуумистом».

– Объяснить непросто, – ответил Лев. – Вы знаете про сервер?

– Да, великая загадка. Предполагается, что он китайский и, как многое в сегодняшнем Китае, абсолютно вне нашего понимания. Вы через него общаетесь с прошлым, вернее, с *неким* прошлым, ибо в нашем реальном прошлом такого не происходило. У меня от этого ум заходит за разум. У вас, мистер Зубов, как я понимаю, нет?

– Куда меньше, чем от парадоксов, которые мы традиционно связываем с путешествиями во времени, – сказал Лев. – На самом деле все довольно просто. Факт взаимодействия порождает развилку – новую, полностью уникальную ветвь. Срез, как мы это называем.

– Почему? – спросила Лоубир, пока Оссиан наливал ей чай. – Почему вы так их называете? Звучит грубо и жестоко. Разве вы не ждете, что новая ветвь будет расти и развиваться дальше?

– Разумеется, ждем, – ответил Лев. – Я не знаю, почему континуумисты остановились на этом термине.

– Империализм, – сказала Тлен. – Мы действуем в альтернативных прошлых как в странах третьего мира, а слово «срез» психологически облегчает такой подход.

Лоубир глянула на Тлен. Сегодня та была в чуть более строгой версии своего викториански-вокзального наряда.

– Мария Анафема, – проговорила Лоубир, – очень мило. И вы помогаете мистеру Зубову проводить его колонизаторскую политику? Вы и мистер Мерфи?

– Да, – ответила Тлен.

– И это первый континуум мистера Зубова? Первый срез?

– Да, – ответил Лев.

– Ясно, – сказала Лоубир. – А вы, мистер Недертон?

– Я? – Недертон, не глядя, взял бутерброд с протянутого Оссианом подноса. – Друг. Друг Льва.

– Вот эта часть дела мне не ясна, – сказала Лоубир. – Вы – специалист по связям с общественностью и оформлены на работу через крайне запутанную систему подставных контрагентов. Вернее сказать, были оформлены.

– Был?

– Жаль вас огорчать, но да, вы уволены. Сообщение находится в вашей непрочитанной почте. Я также вижу, что вы и ваша бывшая сослуживица Кларисса Рейни, проживающая в Торонто, были свидетелями убийства некоего Хамеда аль-Хабиба американским ударным комплексом.

Она оглядела собравшихся, словно желая понять, какое впечатление произведет это имя. Судя по лицам – никакого.

Недертону раньше не приходило в голову, что главного мусорщика как-то зовут.

– Это было его имя? – спросил он.

– Да, – ответила Лоубир. – Хотя и не слишком широко известно.

– Свидетелей, к несчастью, было много, – сказал Недертон.

– Ваше и мисс Рейни положение уникально тем, что вы наблюдали событие практически непосредственно. В любом случае у вас, судя по всему, была очень напряженная неделя.

– Да.

– Не могли бы вы объяснить, как оказались здесь, мистер Недертон? – Она поднесла чашку к губам и отпила кофе.

– Я пришел ко Льву. Был расстроен. Из-за мусорщиков, из-за той ужасной бойни. Ну и подозревал, что меня уволят.

– Вы искали общества?

– Да, именно так. И в ходе разговора со Львом...

– Да?

– Это довольно запутанная история.

– Я неплохо умею распутывать сложные истории, мистер Недертон.

– Вы знаете, что сестра Аэлиты – моя клиентка? Вернее, уже бывшая. Даэдра Уэст.

– Я надеялась, что мы к этому подойдем.

– Я договорился со Львом, что он сделает Даэдре подарок от моего имени.

– Подарок. Какой же?

– Я организовал для нее услуги одного из жителей принадлежащего Льву среза.

– Какие именно услуги?

– Охранные. Он бывший военный. Оператор дронов, помимо прочего.

– У вас были основания полагать, что она особо нуждается в услугах охранника?

– Нет.

– Тогда почему, если не секрет, вам пришла в голову эта мысль?

– Лев особо интересовался одним конкретным подразделением в своем срезе, тем, где служил тот молодой человек. Переходная технология, самый канун джекпота. – Недертон взглянул на Льва.

– Гаптика, – подсказал тот.

– Мне подумалось, это позабавит Даэдру своей курьезностью, – продолжал Недертон. – Хотя, надо признать, фантазия не самая сильная ее сторона.

– Вы хотели произвести на нее впечатление?

– Да, наверное.

– Вы состояли с нею в интимных отношениях?

– Да, – ответил Недертон, вновь покосившись на Льва. – Однако Даэдре это оказалось не нужно.

– Отношения?

– Полтер в качестве охранника. И отношения, как вскоре стало ясно, тоже. – Недертон обнаружил, что в разговоре с Лоубир все волей-неволей говорят правду. Он не понимал, чем именно инспектор вызывает на откровенность, но ему это очень не нравилось. – Так что она попросила отдать полтера сестре.

– Вы встречались с Аэлитой, мистер Недертон?

– Нет.

– А вы, мистер Зубов?

Лев проглотил последний кусок бутерброда.

– Нет. Мы условились пообедать вместе. Кстати, это должно было произойти сегодня. Она очень заинтересовалась континуумом, – он покосился на Тлен, – или срезом, если угодно.

– Итак, бывший военный из среза должен был находиться на дежурстве в самый момент предположительного исчезновения Аэлиты Уэст?

– Это был не он, а его сестра, – вставил Недертон и тут же поборол желание прикусить нижнюю губу.

– Сестра?

– Его вызвали по срочному делу, – пояснил Лев. – Сестра заменяла его в последние две смены.

– Его имя и фамилия?

– Бертон Фишер, – сказал Лев.

– Ее?

– Флинн Фишер, – сказал Недертон.

Лоубир поставила чашку с блюдцем на стол.

– И кто беседовал с нею о тех событиях?

– Я, – ответил Недертон.

– Пожалуйста, опишите, что она, по ее словам, видела.

– Она взлетела, чтобы заступить на вторую смену...

– Взлетела? Как?

– В квадрокоптере. В качестве квадрокоптера? Она его пилотировала. Увидела, как что-то взбирается по стене здания. Прямоугольное, с четырьмя конечностями. Как оказалось, оно содержало нечто, по описанию похожее на роевое оружие. Женщина на балконе, которую сестра полтера по нашей цифровой фотографии позже опознала как Аэлиту, была убита этим оружием. Затем уничтожена. Съедена, как выразилась сестра полтера. Без остатка.

– Понятно, – заметила Лоубир уже без улыбки.

– Она сказала, он знал.

– Кто?

– Мужчина, который находился рядом с Аэлитой.

– Ваша свидетельница видела какого-то мужчину?

Недертон, уже не зная, чего наговорит, если откроет рот, просто кивнул.

– И где она теперь, эта Флинн Фишер?

– В прошлом, – сказал Недертон.

– В срезе, – поправил Лев.

– Чрезвычайно занятно. Весьма и весьма необычно, чего никак не скажешь про значительную часть расследований. – Лоубир внезапно поднялась с зеленого кресла. – Вы очень мне помогли.

– И все? – удивился Недертон.

– Простите?

– У вас больше нет вопросов?

– У меня их еще очень много, мистер Недертон. Однако я предпочту дождаться, пока не возникнут следующие.

Лев и Тлен тоже поднялись, так что пришлось встать и Недертону. Оссиан, в черном фартуке с узкими белыми полосами, вытянулся в струнку подле темного буфета с зеркальными дверцами.

– Спасибо за гостеприимство и за помощь, мистер Зубов. – Лоубир пожала руку Льву. – И вам спасибо за помощь, мисс Тлен. – Снова рукопожатие. – И вам, мистер Недертон.

Ладонь у нее была мягкая и сухая, нейтральной температуры.

– Не стоит благодарности, – ответил Недертон.

– Если вы захотите связаться с Даэдрой Уэст, мистер Недертон, не звоните ей отсюда или из других домов мистера Зубова, дабы не порождать лишние, совершенно ненужные сложности. Отправьтесь в какое-нибудь другое место.

– Я не собираюсь ей звонить.

– Вот и отлично. Примите мои благодарности, мистер Мерфи. – Она подошла к Оссиану и пожала ему руку. – Вы замечательно преуспели в жизни, учитывая ваши юношеские конфликты с законом.

Оссиан промолчал.

– Я вас провожу, – сказал Лев.

– Не надо, не утруждайтесь, – ответила Лоубир.

– Наши домашние животные ревниво относятся к своей территории, – сказал Лев. – Лучше, если я пойду с вами.

Недертон ничего такого за Гордоном и Тиенной не знал (помимо того, что самый их вид внушал ужас и отвращение), к тому же был уверен, что их поведенческие инстинкты генномодифицированы.

– Хорошо, спасибо. – Лоубир повернулась к остальным. – При необходимости я свяжусь с вами индивидуально. Если потребуется мне позвонить, вы найдете меня в списке ваших контактов.

Они вышли, и Лев закрыл за собой дверь.

– Взяла образцы наших ДНК, сука, – сказал Оссиан, разглядывая свою ладонь, которую только что пожала Лоубир.

– Ну конечно, – ответила Тлен, глядя на Недертон, чтобы ее речь не зашифровалась. – Как иначе убедиться, что мы те, за кого себя выдаем.

– Мы могли бы проверить с ней то же самое, – произнес Оссиан, хмуро глядя на чашку, из которой пила инспектор.

– И на нас бы наступали. – Тлен по-прежнему обращалась к Недертону.

– С порога взяла меня за грудки, – сказал Оссиан.

– Мерфи? – спросил Недертон.

– Не наглей. – Оссиан резким движением скрутил полотенце, затем швырнул задушенную тряпку на буфет, взял с подноса две тартинки, сунул в рот и принялся энергично жевать, сохраняя при этом всегдашнее невозмутимое выражение.

Возникла эмблема Тлен. Недертон встретился глазами со стоящей перед ним Тлен. Та чуть заметно кивнула и открыла трансляцию.

Глазами птицы, способной неподвижно зависнуть в воздухе, Недертон увидел, как Лоубир садится на заднее сиденье автомобиля – уродливого, дутого, тяжелого на вид. Лев что-то сказал, отошел от машины, и по ее матово-черному корпусу мгновенно расплылся пиксельный рисунок отраженных зданий.

Невидимая машина тронулась, словно наматывая на себя улицу, и пропала совсем. Лев повернул к дому. Трансляция выключилась.

Оссиан все еще жевал. Теперь он проглотил, плеснул чая в хрустальную стопку, выпил.

– Итак, – сказал он, не обращаясь к Тлен, чтобы речь не зашифровалась, – мы подключаем студентов-финматиков из Лондонской школы экономики?

– Лев согласился, – сказала Тлен Недертону.

– Их местная экономика держится на синтезе наркотиков, – сказал Оссиан Недертону. – Наверняка там есть все, что нам нужно.

Лев, улыбаясь, вошел в дверь.

– И как? – спросила Тлен.

По тыльной стороне ее ладони пронеслась стайка птиц. Тлен их не заметила.

– Удивительная женщина! – воскликнул Лев. – Я впервые говорил с полицейским такого ранга. И вообще с полицейским.

– Они не все такие, слава богу, – пробурчал Оссиан.

– Ничуть не сомневаюсь, – ответил Лев.

Тебя только что подцепили на крючок, подумал Недертон. Подцепили очень ловко и основательно, вполне в духе инспектора Эйнсли Лоубир.

27. Мертвые парни

Флинн разбудили мужские голоса где-то совсем близко. Один из них принадлежал Бер-
тону.

Накануне она съездила в «Фарма-Джон», взяла лекарства для матери, вернулась и
помогла той приготовить ужин. Они втроем – Флинн, мама, Леон – поели на кухне, потом Леон
и Флинн вымыли посуду и вместе с мамой посмотрели новости. Сейчас она выглянула в окно
и увидела у ворот большую прямоугольную машину из управы шерифа. «Четверо?» – спросил
голос брата под самым окном, на дорожке к парадному крыльцу.

– Для нашего округа больше чем достаточно, уж поверь мне, Бертон, – сказал замшерифа
Томми Константайн. – Надеюсь, ты не откажешься поехать со мной? Вдруг кого узнаешь.

– Потому что их убили на середине Портер-роуд, а я живу в ее конце?

– Надежды мало, но я буду признателен, если ты со мной съездишь, – сказал Томми. –
Из-за этих мертвых парней у меня все наперекосяк.

– Что за парни?

– Два пистолета, новенький набор разделочных ножей, кабельные стяжки. Никаких удо-
стоверений личности. Машина угнана вчера.

Флинн лихорадочно одевалась.

– Как их убили? – спросил Бертон таким тоном, будто интересовался, какой сейчас
иннинг в бейсбольном матче.

– Выстрелом в голову. Судя по диаметру дырок – двадцать второй калибр. Выходных
отверстий нет, так что у нас будут пули.

– Они сидели и ждали, пока их перебьют?

– Вот тут и начинаются странности. Китайский четырехместный автомобиль, стреляли
снаружи. Водителя убили выстрелом через лобовое стекло, пассажира рядом с ним – через
окно в ближайшей к нему дверце, того, что за ним, – через окно задней боковой дверцы, а того,
что за водителем, – через заднее стекло. Как будто кто-то обходил машину и щелкал их по
одному. Однако у двоих в руках были пистолеты, и непонятно, почему они не отстреливались.

Флинн провела по лицу мокрой губкой, вытерлась вчерашней футболкой. Вытащила из
кармана джинсов блеск, мазнула губы.

– У тебя загадка запертой комнаты, Томми, – сказал Бертон.

– У меня полиция штата, вот у меня что.

Флинн вышла в коридор, коснулась дедушкиных «Нейшнл географиков» – на счастье –
и сбежала по лестнице.

Маму она по пути не видела, впрочем из-за лекарств та в это время обычно спала крепко.

– Здравствуй, Томми! – крикнула она через внешнюю сетчатую дверь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.